

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

Въ старыя годы, наивныя люди вѣрили въ существованіе химеръ, сфинксовъ, центавровъ и тому подобныхъ зоологически невозможныхъ составныхъ тварей. Нынѣшніе наивныя люди въ нихъ не вѣрятъ, а между тѣмъ, химеры, сфинксы и центавры гуляютъ среди насъ въ огромномъ количествѣ. Крылья оказываются сплошь и рядомъ приросшими къ совсѣмъ не птичьему туловищу, тяжелому, неуклюжему, еле поворачивающемуся, и эти бѣдныя крылья только даромъ треплются, стараются приподнять своего тяжеловѣснаго обладателя къ небесамъ. Полу-человѣкъ, полу-лошадь—тоже не особенная рѣдкость, и когда вы услышите женское ржанье, то не можете лорчнуться, что это подлинный четвероногій жеребецъ ржетъ. Между этими зоологическими невозможностями есть такія, объ которыхъ говорить рѣшительно не стоитъ; пожалѣешь только иной разъ, что полу лошадь остается, по недоразумѣнію, невзнузданной. Но есть невозможности очень любопытныя.

Покойная Лядова, которую свѣдущіе люди считаютъ лучшею изъ «Прекрасныхъ Еленъ», видѣнныхъ Петербургомъ, говорятъ, усердно молилась всякій разъ передъ выходомъ на сцену въ роли жрицы Венеры. Казалось бы, можетъ ли такая женщина проникнуться вызывающей, цинической насмѣшкой Оффенбаха и «создать» роль супруги Менелая? А, между тѣмъ, фактъ на лицо. Г. Евгений Утинъ въ статьѣ «Болгарія во время войны» (въ «Вѣстникѣ Европы») съ пламеннымъ негодованіемъ говоритъ о тивѣ «личныхъ, эгоистическихъ интересовъ» и «практической жизни», въ которую русское общество было погружено передъ войной. Слова его прожигаютъ страницы «Вѣстника Европы» и сердца читателей. И не замѣчаетъ г. Утинъ, что его грозный бичъ полосуетъ его собственное, утинское тѣло, принимавшее такія граціозныя позы и аттитуды въ струсберговскомъ процесѣ. Это ли не химера, не центавръ, зоологически невозможный, имѣющій человѣческую голову и конское туловище? И куда бы вы ни посмотрѣли, вездѣ вы увидите длинныя ряды химеръ, центавровъ и сфинксовъ, у которыхъ не то что нѣтъ ничего общаго между словомъ и дѣломъ (это бываетъ и съ просто слабыми и безхарактерными людьми) а которые совмѣщаютъ въ себѣ признаки совершенно разнородныхъ существъ. Мы такъ къ этому

привыкли, такъ сжились съ этимъ химерическимъ сосѣдствомъ, что многіе, не обвинуясь, пожимаютъ копыто центавра, точно оно и въ самомъ дѣлѣ, не копыто, а человѣческая рука. Я не объ тѣхъ лошадахъ говорю, которые просто болѣе или менѣе искусно притворяются людьми, притворяются сознательно, съ совершенно опредѣленною цѣлью. Это просто дрянь, заслуживающая узды, возжей, чего хотите, но не пристального разсмотрѣнія, потому что даже въ чисто психическомъ смыслѣ она не представляетъ никакого интереса: купилъ человекъ въ магазинѣ маску, надѣлъ ее, носить, пока требуется, а потомъ снялъ, ни мало не повредивъ подлиннаго лица своего и очень хорошо зная, что одно дѣло—маска и другое дѣло—подлинное лицо. Лядова и г. Утинъ—люди не этого сорта. Конечно, и они надѣваютъ нѣкоторымъ образомъ личину, изображая фривольную греческую царицу и пламеннаго ненавистника «эгоистическихъ интересовъ». На дѣлѣ, одна же такъ ужъ фривольна, а другой не такъ ужъ полонъ самоотверженія. Надѣвая на себя личину, оба эти человека въ значительной степени руководствуются практической сметкой, художественнымъ инстинктомъ и другими второсортными умственными способностями, позволяющими имъ повастъ въ надлежащій тонъ и сыграть предположенную роль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они чрезвычайно проникаются этою ролью. До такой степени, что г. Утинъ заливается слезами, «когда о честности высокой говорить», а Лядова, несмотря на свою богомольность и вполне добропорядочную жизнь внѣ театральнаго подмостковъ, усваиваетъ всѣ тончайшія черты личности легкомысленной Елены. Вы не должны смущаться этими примѣрами, взятыми изъ театральнаго міра. Я какъ-то присутствовалъ при разговорѣ объ томъ, каковъ бы былъ въ роли Гамлета одинъ чрезвычайно талантливый русскій актеръ, до сихъ поръ не пробовавшій себя въ подобныхъ роляхъ. Одинъ мой вріатель остроумно замѣтилъ, что актеръ этотъ началъ бы знаменитый мрачный монологъ Гамлета такъ:

Быть или не быть?

Съ пальцемъ девять,

Съ огурцомъ пятнадцать!

Не знаю такъ ли было бы на самомъ дѣлѣ, но вѣрно то, что актеръ, какъ и всякій художникъ, не можетъ мало-мальски сносно передать то, чего въ немъ самомъ нѣтъ, хотя въ видѣ зародыша. По мнѣнію знатковъ, г. Утинъ и Лядова исполняютъ свои роли хорошо, а потому нельзя сомнѣваться, что въ слезахъ адвоката и въ легкомыслии актрисы есть нѣчто подлинное, изъ души идущее. Это не совсѣмъ маска. Но видъ Лядова крестилась и жарко молилась христіанскому Богу, выхода на подмостки, а г. Утинъ бичуетъ эгоистическіе интересы, геройствуя въ московской Струсберггадѣ. Какъ связать все это? какъ объяснить психическіе процессы, совершающіеся въ Лядовой и въ г. Утинѣ? Психологія нова дѣло довольно темное, но нужно ду-

ло сломлено недовѣріе къ новой школѣ и въ крестьянахъ, которые, сначала, видя, что въ школѣ никого не будетъ, не съѣдутъ, какъ бывало прежде, что въ ней, вмѣсто того, чтобы начинать ученіе съ церковно-славянской грамматики и отъ *божественнаго*, какъ бывало прежде, начинаютъ съ какихъ-то побасенокъ, смотрѣли на новую школу, какъ на баловство. Теперь крестьяне почти повсюду не только съ охотой отдають дѣтей своихъ въ школу, но и сами хлопчуть о заведеніи у себя такихъ школъ. Если имѣть въ виду всю массу крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста, то земскихъ школъ существуетъ пока очень не много. Въ самыхъ богатыхъ школахъ земствахъ—тверскомъ, херсонскомъ, вятскомъ—земскія школы могутъ помѣщать не болѣе 10% дѣтей школьнаго возраста. Но если сравнивать существующее теперь количество сельскихъ школъ съ прежнимъ, то въ трехъ упомянутыхъ губерніяхъ сельскихъ школъ въ настоящее время едва ли не болѣе, чѣмъ сколько было всѣхъ сельскихъ школъ до появленія земства въ цѣлой Россіи! Очевидно, что земство ревностно заботится о народной школѣ. Даже и теперь, при своихъ скудныхъ средствахъ, земство могло бы дѣлать вдвое, втрое болѣе для народнаго образованія противъ того, что оно дѣлаетъ, еслибы оно было болѣе свободно въ своихъ дѣйствіяхъ, еслибы не было поставлено въ необходимость бороться съ безчисленными всякаго рода препятствіями, которыя оно встрѣчаетъ въ своей просвѣтительной дѣятельности для народа.

Земство, въ отношеніи народнаго образованія, поставлено подъ строгій контроль министерства народнаго просвѣщенія, и, кромѣ того, нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ. Я уже не говорю о томъ, что каждый разъ, когда земство хочетъ основать школу съ нѣкоторымъ, хотя бы и самымъ незначительнымъ отступленіемъ отъ программы нормальныхъ школъ, оно должно цѣлые мѣсяцы и даже годы совершать хожденіе по разнымъ инстанціямъ, чтобы получить дозволеніе на открытіе такой школы—даже открытіе обыкновенныхъ нормальныхъ школъ представляетъ иногда великія затрудненія. Положимъ, вы хотите открыть начальное училище въ какой-нибудь деревнѣ, гдѣ нѣтъ священника. Въ программу начальнаго училища входитъ обязательно преподаваніе закона Божія. По существовавшему до сихъ поръ закону и обычаю, законъ Божій могъ преподавать только священникъ. Петербургское земство давно уже стѣснялось такимъ закономъ и еще въ 1875 году возбуждало вопросъ о томъ: нельзя ли дозволить преподаваніе закона Божія въ начальныхъ школахъ свѣтскимъ людямъ? Въ январѣ прошлаго года, подъ предсѣдательствомъ викарнаго петербургской епар-

хія, преосвященнаго Гермогена, съѣздъ законоучителей Петербурга и Петербургскаго Уѣзда рѣшилъ, что преподаваніе закона Божія мірянамъ, можетъ быть дозволено подъ слѣдующими гарантіями: 1) «Ходатайствовать о введеніи практическихъ занятій по закону Божію въ учительской школь и другихъ учительскихъ семинаріяхъ, которыя захотятъ воспользоваться этимъ правомъ; 2) просить епархіальное начальство усилить наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ учительскихъ семинаріяхъ и обратить самое серьёзное вниманіе на экзаменъ по этому предмету; 3) преподаваніе закона Божія свѣтскими лицами, предоставить ближайшему наблюденію и руководству мѣстнаго священника, съ отвѣтственностію въ тоже время самого учителя за направленіе и достоинство преподаванія; 4) кромѣ мѣстнаго священника, вмѣнить члену училищнаго совѣта отъ духовенства ближайшимъ образомъ слѣдить за ходомъ преподаванія закона Божія свѣтскими лицами; 5) допустить подобное же наблюденіе со стороны благочиннаго, который, во время осмотра благочинія, имѣлъ бы право посѣщать школу, и свои наблюденія обязанъ бы былъ сообщать члену училищнаго совѣта отъ духовенства, и, такимъ образомъ, быть какъ бы его помощникомъ по обязанности наблюденія за преподаваніемъ закона Божія».

Итакъ, въ силу этихъ правилъ, мірянинъ, который возьметъ на себя преподаваніе закона Божія въ начальной школь, долженъ подлежать тройному контролю: 1) контролю мѣстнаго священника; 2) контролю священника-члена училищнаго совѣта, и, наконецъ, 3) контролю благочиннаго. Когда, на послѣдней сессіи здѣшняго губернскаго земства зашла рѣчь объ этихъ правилахъ, то гласный Семейскій сдѣлалъ предложеніе: нельзя ли одинъ изъ этихъ контролей, именно контроль мѣстнаго священника сократить, то собраніе не согласилось на это предложеніе, конечно, потому, что утвержденія такой перемѣны въ правилахъ, еслибы оно и послѣдовало, надобно бы было ждать опять годъ, а можетъ быть и болѣе, а до того времени, земство не имѣло бы возможности устраивать школь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ священника. Но собраніе не только не убавило числа наблюдателей надъ міряниномъ, преподающимъ законъ Божій, но было поставлено въ необходимость приставить и еще одного: именно во время дебатовъ по этому предмету было между прочимъ, замѣчено, что, по правиламъ воинскаго устава, право давать свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности, имѣютъ только тѣ училища, въ которыхъ есть учитель и законоучитель отдѣльно. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ: какъ должны поступать въ этомъ случаѣ училища, въ ко-

торыхъ законъ Божій будетъ преподаваться міряниномъ? Земское собраніе порѣшило этотъ вопросъ такимъ образомъ, что желающіе получить свидѣтельство на льготу по отбыванію воинской повинности, должны будутъ являться на экзаменъ въ ближайшія школы, гдѣ есть учитель и законоучитель. Прекрасно. Но вѣдь и экзаменующій законоучитель можетъ по отвѣтамъ учениковъ усмотрѣть какое-нибудь превратное направленіе въ преподаваніи учителя-мірянина и также довести о замѣченномъ имъ до свѣденія надлежащаго начальства. Вотъ подъ сколькими контролями долженъ состоять учитель-мірянинъ, взявшійся за преподаваніе закона Божія только въ начальной школѣ!! Еслибы этотъ контроль былъ всегда дѣйствителенъ и производился съ подобающею строгостію, то земство едва-ли отыскало бы даже и одного такого способнаго человѣка, который бы согласился принять на себя преподаваніе закона Божія при подобныхъ тяжелыхъ условіяхъ. Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ вообще добродушенъ и къ систематическому угнѣтенію рѣдко способенъ, и такъ какъ съ поконъ вѣку всѣмъ также извѣстно, что правила у насъ всегда существуютъ сами по себѣ, а практика дѣла идетъ сама по себѣ (князь Васильчиковъ въ своей книгѣ: «Землевладѣніе» и «Земледѣліе», доказываетъ, что Россія тѣмъ только и спаслась, что у насъ испоконвѣка развитіе народной жизни шло само по себѣ, а грамоты, указы, указы существовали сами по себѣ), то при занятіи должностей никто не обращаетъ вниманія на строгость правилъ и тѣмъ дѣло спасается. Это хотя и даетъ земству возможность жить, но не даетъ ему никакой гарантіи въ прочности его дѣла. Дѣло находится все-таки въ постоянной зависимости отъ личнаго характера тѣхъ или другихъ наблюдающихъ за нимъ лицъ.

Въ кратковременной исторіи нашего земства мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ страннымъ явленіемъ: съ постепеннымъ исчезновеніемъ учрежденныхъ земствомъ среднихъ школъ для приготовленія сельскихъ учителей. Новгородское земство передало свою школу министерству народнаго просвѣщенія; въ Тверскомъ земствѣ—одна школа земская закрыта, другую земство передало также министерству народнаго просвѣщенія; Черниговское земство положило сначала передать свою семинарію министерству народнаго просвѣщенія, а теперь рѣшилось лучше совсѣмъ закрыть. По извѣстію «Елисаветградскаго Вѣстника» 20 текущаго февраля въ экстренномъ земскомъ собраніи будетъ обсуждаться вопросъ о передачѣ елисаветградскаго земскаго училища въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія. Нако-

нецъ, изъ журналовъ разанскаго губернскаго собранія пятаго чрезвычайнаго созыва, бывшаго въ августѣ прошедшаго года, узнаемъ, что и разанское земство ликвидируетъ свою Александровскую семинарію. Причина ликвидаціи Александровской семинаріи въ докладѣ управы разъясняется слѣдующимъ образомъ:

Александровская семинарія, основанная въ 1869 году, вплоть до 1875 года, процвѣтала мирно, пользуясь наилучшей репутаціей въ обществѣ, получая отличные отзывы со стороны ревизовавшихъ ее комиссій и не получая ни одного замѣчанія отъ училищнаго надзора. Поступившій, въ октябрѣ этого года, инспекторомъ народныхъ училищъ нѣкто Епинатьевъ въ первый разъ заявилъ предсѣдателю управы, что, «хотя образовательная часть въ семинаріи и хороша, но воспитательная находится въ упадкѣ, что распушенность училища отзывается уже вредно на учителяхъ, изъ него выпущенныхъ, что одинъ изъ нихъ неприлично держалъ себя передъ начальникомъ губерніи, другой публично кощунствовалъ», и т. п. Хотя никакое учебное заведеніе не можетъ отвѣчать за поведеніе своихъ воспитанниковъ по выходѣ ихъ изъ этого заведенія, тѣмъ не менѣе управа собрала справки о сообщенныхъ г. Епинатьевымъ фактахъ и они оказались вымышленными. Это, однакожъ, не измѣнило отношеній дирекціи народныхъ училищъ къ семинаріи, а, напротивъ, только усилло еще враждебное отношеніе къ ней. По словамъ доклада, дирекція до того желала выискать какіе-нибудь факты обвиненія противъ семинаріи, что не стѣснялась употреблять для этого даже слѣдующіе приемы. Она 1) просила преосвященнаго разанскаго Алексѣя затребовать отъ благочинныхъ свѣденія о поведеніи сельскихъ учителей, вышедшихъ изъ Александровской семинаріи; во 2 хъ, чтобы узнать: ходятъ ли ученики александровской семинаріи въ церковь, ихъ спрашивали: въ какой они были церкви и въ какихъ ризахъ служилъ священникъ, потомъ осведомлялись относительно вѣрности ихъ показаній у священника. Счастливая случайность и на этотъ разъ выручила земство: оказалось, что ни одинъ изъ учившихся въ семинаріи учителей не сдѣлалъ ничего дурного, а слѣдовательно, благочинные не могли доставить никакихъ неблагопріятныхъ семинаріи свѣденій, затѣмъ какъ ученики пригѣтили: въ какихъ ризахъ служилъ священникъ, такъ и священникъ, хотя съ трудомъ, но припомнилъ, что служилъ именно въ тѣхъ ризахъ, которыя показаны учениками. Рядомъ съ этими тайными приемами надзора и приемы открытаго надзора поражаютъ такую же необычностью, чтобы не сказать хуже. Такъ въ докладѣ управы разсказывается слѣдующій случай:

Приѣзжаетъ въ Александровскую семинарію инспекторъ Червлянский. Старшій учитель, онъ же завѣдующій семинаріею, Григорьевъ, приглашаетъ его на свою лекцію. Инспекторъ приходитъ въ классъ, садится за столъ рядомъ съ учениками, роется въ ихъ тетрадкахъ и, нашедши одну, засовываетъ ее, ни слова не говоря, въ карманъ и по окончаніи лекціи, уходитъ съ нею. Обиженный Григорьевъ слѣдуетъ за нимъ, прося показать, какую онъ взялъ тетрадку. Оказалось, что это была памятная черновая тетрадка одного ученика, на первой страницѣ которой былъ какой то *самый* рисунокъ. Тогда Григорьевъ говоритъ инспектору, что «ему, какъ инспектору, не слѣдовало бы скрытно отъ него, какъ старшаго учителя, уносить обнаруженные имъ свидѣтельства шалости учениковъ, что такое его дѣйствіе колеблетъ въ глазахъ учениковъ авторитетъ старшаго учителя, и умаляетъ достоинство училищнаго надзора». Черезъ двѣ недѣли послѣ этого происшествія, по словамъ доклада, управа получила сообщеніе отъ директора народныхъ училищъ объ увольненіи учителя.

Далѣе докладъ объясняетъ, что, по учебной части, дирекція дѣйствуетъ точно такимъ же образомъ: на выпускныхъ экзаменахъ она не даетъ свидѣтельствъ на званіе учителей ученикамъ, удостоеннымъ этого званія въ семинаріи, хотя эти самые ученики выдерживаютъ экзаменъ потому въ гимназіи и получаютъ подобныя свидѣтельства, что вслѣдствіе какъ этихъ, такъ и вышеозначенныхъ стѣсненій дирекціи, равно какъ и многихъ другихъ такого же направленія и свойства, составъ учителей въ семинаріи безпрепятственно мѣняется, такъ что въ два послѣдніе года было пять учителей (а въ семинаріи ихъ всего числится пять), что, «хотя земская управа и старалась сколько могла примириться съ дирекціею, но двухлѣтнія старанія поддержать и сохранить такимъ образомъ училище, привели ее только къ полному убѣжденію, что въ настоящее время это невозможно».

И такъ одно изъ полезнѣйшихъ учебныхъ заведеній, которыхъ у насъ такъ немного, должно погибнуть единственно отъ личныхъ враждебныхъ отношеній къ нему дирекціи. Всѣ права и правда, по изложенію доклада, на сторонѣ земства: училище основано не только съ дозволенія правительства, но удостоено съ соизволенія Государа Императора носить Его имя: земство по

не болѣе какъ извѣтъ, что оно желаетъ, чтобы было произведено самое строгое слѣдствіе по нимъ, что оно готово предстать на судъ, чтобы защитить свою правоту. Таковъ смыслъ доклада земской управы.

И я думаю, что нѣтъ человѣка, который бы, выслушавъ факты, сообщаемыя докладомъ, не сталъ на сторону земства.

Когда появились земскія учрежденія и земство начало основывать народныя школы, оно первое усмотрѣло недостатокъ и даже полное отсутствіе годныхъ учителей для этихъ школъ, и потому, естественно, должно было озаботиться о необходимости устройства, для образованія школьныхъ учителей, учительскихъ семинарій. Такъ какъ тогда казенныхъ семинарій не было, то всѣмъ земствамъ, желавшимъ завести свои семинаріи, это дозволялось безпрепятственно и съ охотою. Но потомъ стало основывать семинаріи и вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и, понявъ важность этихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ вліянія на народное образованіе, оно стало стремиться къ тому, чтобы подчинить своей власти и прежде основанныя семинаріи. Это дѣлалось двоякимъ путемъ: или земскія семинаріи поступали прямо въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, или, оставаясь въ земствѣ, должны были весь свой учебный и учебно-начальственный персоналъ получать отъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣднемъ направленіи предложено было, въ началѣ прошедшаго года, и черниговской семинаріи сдѣлать исправленіе въ своемъ уставѣ. Именно: 1) статью 13 и 14 устава семинарій, гдѣ излагаются опредѣленія директора и преподавателей семинарій, измѣнить въ томъ смыслѣ, что директоръ семинарій избирается и утверждается въ должности, а равно и увольняется отъ оной попечителемъ округа, а преподаватели избираются директоромъ семинарій и, по его представленію, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ округа, отъ коего зависитъ и увольненіе ихъ отъ должностей; 2) статью 15-ю устава пополнить въ томъ смыслѣ, что назначеннымъ въ оной лицамъ содержаніе выдается помѣсячно въ установленное для того число, притомъ непосредственно имъ самимъ, и что тѣ изъ сихъ лицъ, коимъ будетъ предоставлено готовое помѣщеніе, сохраняютъ право на это помѣщеніе во все время состоянія на должности и 3) дополнить уставъ правиломъ, по которому управа и вообще представители земства, въ случаѣ недовольства со стороны земства дѣйствіями директора и преподавателей семинарій по сему заведенію, были бы обязаны представлять заявленіе о семъ попечителю учебнаго округа и не позволять себѣ вообще, помимо его, никакихъ распоряженій

противъ сихъ лицъ по дѣламъ семинаріи». Есть не мало такихъ земцевъ, которыя не только не противодействуютъ, а, напротивъ, вполне содѣйствуютъ этому стремленію министерства народнаго просвѣщенія—взять въ свое управленіе всѣ учительскія земскія семинаріи. Они находятъ въ этомъ выгоду для земства. Вотъ какъ объясняетъ эту выгоду одинъ изъ гласныхъ черниговскаго земства, г. Псіоль: «1) Передачею семинаріи министерству, специально учрежденному для веденія педагогическаго дѣла, мы приобретаемъ ту выгоду, что она будетъ идти по тому пути, по которому идутъ всѣ учрежденія министерства — по пути разъ навсегда опредѣленному, чего не можетъ быть у насъ, такъ какъ мнѣнія и взгляды земства переменчивы; 2) наши семинаріи не имѣютъ никакихъ правъ, обезпечивающихъ въ жизни—ни въ лицѣ учителей, ни въ лицѣ директоровъ, ни даже въ лицѣ воспитанниковъ; и директоръ, и учителя не имѣютъ правъ государственной службы и лишены права на пенсію; воспитанники же не имѣютъ льготы въ воинской повинности; они кончаютъ курсъ въ призванный возрастъ; вмѣсто того, чтобъ идти въ учителя, они идутъ въ солдаты. Гдѣ же результатъ нашихъ затратъ? Мы тратимъ понапрасну деньги и отказаться отъ такихъ порядковъ намъ выгодно». Не всѣ, однакожъ, земцы думаютъ такъ, какъ г. Псіоль. Напротивъ, очень многіе изъ земцевъ привязаны къ семинаріямъ, которыя они основали и на которыя положили столько заботъ, какъ къ своимъ роднымъ дѣтищамъ. Они готовы скорѣе уничтожить ихъ, чѣмъ передать въ чужія руки, тѣмъ болѣе, что они убѣждены, что официальная власть никогда не можетъ такъ хорошо вести учительскихъ семинарій, какъ ведетъ ихъ земство.

Такое двойное отношеніе къ семинаріямъ существуетъ во всѣхъ земствахъ, гдѣ есть земскія семинаріи; оно обусловливается тѣмъ, что въ каждомъ земствѣ есть двѣ партіи: партія движенія и партія охраненія или застоя. Первая старается дать возможно широкое и свободное развитіе реформамъ; вторая старается попридержать дѣйствіе реформъ и, по возможности, приспособить ихъ къ старымъ порядкамъ. Такія двѣ партіи существуютъ и въ черниговскомъ земствѣ; одна партія носитъ названіе лѣвыхъ, утопистовъ-міроѣдовъ, (такъ называютъ ее ретрограды), другая—правыхъ, охранителей. Смотря по тому, какіихъ элементовъ болѣе попадаетъ въ управленіе земства, и дѣятельность земства окрашивается тѣмъ или другимъ цвѣтомъ. Въ 1870 году, въ земствѣ преобладала партія утопистовъ-міроѣдовъ, и она открыла учительскую семинарію для приготовленія народныхъ

учителей. Въ 1874 году, бразды правленія захватила партія охранителей и порѣшила передать семинарію въ вѣденіе министерства народнаго просвѣщенія, согласно желанію послѣдняго. Какимъ образомъ могло случиться, чтобы семинарію, которую земство всего четыре года основало, само же земство, хотя бы то и консервативное, пожелало отдать въ чужія руки, черниговскій корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Охранители имѣютъ привычку сопротивляться въ началѣ открытію общепользныхъ земскихъ учреждений, а затѣмъ сбывать ихъ въ постороннія вѣдомства, возлагая такимъ образомъ на земскую кассу обязательные платежи, безъ всякихъ правъ и безъ контроля за дѣломъ, содержимымъ на земскій счетъ. Такихъ примѣровъ и поползновеній извѣстно немало, да и при этомъ это такъ естественно; за подобное рвеніе всегда можно заслужить... ну, хоть бы благоволеніе того или другаго вѣдомства, а наши охранители очень падки на такія перспективы». Вскорѣ, однакожь, управленіе земскими дѣлами изъ рукъ охранителей перешло въ руки утопистовъ-міроѣдовъ и передача учительской семинаріи, въ принципѣ хотя и рѣшенная, не состоялась. Такъ прошло трехлѣтіе! При новыхъ выборахъ охранители думали восторжествовать и, повидимому, дѣйствительно восторжествовали, вытѣснивъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ своихъ противниковъ. Министерство, между тѣмъ, на основаніи рѣшенія, состоявшагося въ 1874 году, потребовало передачи семинаріи въ свое вѣдѣніе. Въ январѣ нынѣшняго года, это требованіе поступило на разсмотрѣніе земскаго собранія; пренія продолжались цѣлыхъ три дня; зала земскаго собранія была полна многочисленною черниговскою публикою, которая, конечно, интересовалась видѣть: кто побѣдитъ — охранители или утописты-міроѣды. Наконецъ, 15-го января, большинствомъ 38 голосовъ противъ 34, было постановлено: *«въ виду требованія о передачѣ, закрыть семинарію»*. Вообразите ужасъ охранителей, заранѣе торжествовавшихъ побѣду и такъ неожиданно провалившихся, и радость утопистовъ-міроѣдовъ! «Черниговская Газета», органъ охранителей, съ яростію набрасывается на побѣдителей, обвиняя ихъ ораторовъ за тѣ якобы запальчивыя и дерзкія нападенія, которыя они позволили себѣ во время преній, и даже за то, что они якобы отвергали пользу учительской семинаріи вообще. Но защитники партіи утопистовъ-міроѣдовъ, отвергая эти обвиненія охранителей, говорятъ, что дѣло здѣсь до полезности или неполезности семинаріи вовсе не касается, а вопросъ сводится просто къ тому: *«слѣдуетъ ли, чтобы земство дѣйствовало сообразно духу и буквѣ*

закона? или же, чтобы рядом охранительных желаній за «благоволеніями» совершенно искавило собственною рукою Высочайше дарованное самоуправленіе? Самоуправленіе значитъ прежде всего самостоятельное завѣдываніе въ опредѣленныхъ закономъ границахъ собственными дѣлами. Нѣтъ надобности вторгаться въ чужія вѣдомства, но и не слѣдуетъ допускать чужихъ хозяевъ у себя. Вопросъ значитъ въ томъ, гдѣ «чужое»? и когда это можетъ считаться земство, что оно «у себя»? Отрывая семинарію, земство черниговское, конечно, полагало, что оно «у себя»; черезъ семь лѣтъ, оказывается, что оно ошиблось и министерство, напримѣръ, просвѣщенія утверждаетъ, что оно забралось въ его область. Что остается дѣлать земству? Или спорить съ министерствомъ и переносить дѣло въ правительствующій сенатъ, или же добровольно очистить по ошибкѣ занятое мѣсто, но отнюдь не пускать чужого хозяина въ себя, Завѣдываніе семинаріей, по мнѣнію министерства, не входитъ въ кругъ компетенціи земства, но вѣдь, съ другой стороны, распоряженіе земскими деньгами тоже не входитъ въ кругъ вѣдомства министерства. Какой-же изъ этого логическій выходъ? Министерство имѣетъ право (и желаетъ) не допустить земства распоряжаться въ своей области (завѣдывать училищемъ); земство имѣетъ право не допустить министерства въ свою область (распоряжаться земскими деньгами). Въ сущности, обѣ стороны не только правы, но и обязаны такъ дѣйствовать (если только онѣ правильно опредѣлили кругъ общедной компетенціи) ради охраненія принципа, а естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей оказывается невозможность существованія *учительской семинаріи на земскія средства*. Закрывая семинарію, черниговцы поступили не только логично, но всякое другое рѣшеніе было бы несообразно съ закономъ, такъ какъ они не имѣютъ права тратить деньги на то, что въ кругъ ихъ вѣдомства не входитъ. Или завѣдываніе семинаріей входитъ въ кругъ ихъ вѣдомства, тогда незачѣмъ передавать; или не входитъ—тогда неправильно тратить на нее земскія средства, предназначенныя закономъ только на тѣ предметы, кои входятъ въ кругъ компетенціи земскаго самоуправленія».

Здѣсь, какъ видитъ читатель, отвергается право министерства народнаго просвѣщенія на земскія семинаріи только со стороны финансовой. А партія *земель*, въ рязанскомъ земствѣ, не признаетъ за министерствомъ компетенціи и въ руководствѣ учительскими семинаріями вообще.

Когда въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи на-
Т. ССХХХVI. — Отд. II.

чались, по упомянутому выше докладу управы, дебаты о закрытіи учительской семинаріи, то гласный Кошелевъ, хотя и соглашался на временную приостановку приѣма учениковъ, но возставалъ противъ ея закрытія, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что учительскія семинаріи—дѣло чисто земское. «Учительскія семинаріи не гимназіи, говорилъ онъ: — не университеты, содержаніе которыхъ могло бы превышать и познанія, и средства земства. Съ этимъ дѣломъ земство, безъ сомнѣнія, справится несравненно лучше правительства. Само правительство, по его мнѣнію, не можетъ не сознавать этого и, безъ сомнѣнія, дорожить земскими учительскими семинаріями. Если въ настоящее время земство встрѣчаетъ помѣхи въ этомъ дѣлѣ, то онѣ происходятъ только отъ лицъ. Но лица измѣняются и съ переѣмною лицъ для Александровской семинаріи можетъ еще настать болѣе благоприятное время». Съ этимъ заявленіемъ г. Кошелева было согласно почти все собраніе и въ томъ числѣ сама управа, предсѣдатель которой, князь Волконскій, заявилъ, что «управа не менѣе гласнаго Кошелева убѣждена въ пользѣ семинаріи и въ томъ, что приготовленіе учителей—дѣло земское, и если въ настоящее время ставить вопросъ о закрытіи семинаріи, то дѣлаетъ это, скрѣпя сердце... Потому что дальнѣйшее веденіе дѣла становится невозможнымъ». Вотъ это то убѣжденіе земствъ въ томъ, что учительскія семинаріи не только чисто земское дѣло, но и исключительно земское дѣло, и твердое отстаиваніе ими этого своего права и служить источникомъ тѣхъ печальныхъ коллизій между земствомъ и дирекціями народныхъ училищъ, о которыхъ мы сказали выше.

Нельзя не удивляться той ревности, съ которой дирекціи народныхъ училищъ ведутъ свои походы противъ земскихъ семинарій, ревности, которая, по истинѣ, заслуживала бы гораздо лучшей участи. То, что происходитъ въ рязанскомъ земствѣ, въ той или другой степени, происходило и въ другихъ земствахъ, у которыхъ были семинаріи, и которыя, въ концѣ концовъ, сочли за лучшее передать ихъ въ министерство народнаго просвѣщенія или совсѣмъ закрыть. Тоже самое происходитъ теперь съ женскою учительскою школою г. Максимовича въ Твери. Разъ какъ-то я упоминалъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которая встрѣчаетъ г. Максимовичъ со стороны дирекціи въ веденіи своей школы. Недавно вышли какія-то новыя префеканія и непріятности, которыя рассматривались на послѣдней сессіи тверского губернскаго собранія и произвели здѣсь такое общее возбужденіе противъ дирекціи, что, по слухамъ, дѣло приняло очень неблагоприятный оборотъ. Если не предположить, что рев-

ность дирекціи въ этомъ случаѣ слѣпая, происходящая отъ непониманія истинныхъ государственныхъ видовъ и стремленій, то трудно и понять, чѣмъ и кѣмъ она возбуждается. Вопросъ о томъ: въ чѣмъ вѣдѣніи полезнѣе состоятъ учительскимъ семинаріямъ, въ вѣдѣніи ли земства или правительства?—до сихъ поръ остается открытымъ. Литература почти вовсе его не касалась. По смыслу положенія о земскихъ учрежденіяхъ, начальное народное образованіе вѣрено попеченію земства, слѣдовательно въ его рукахъ должны быть и тѣ школы, которыя готовятъ учителей для сельскихъ школъ. Этого воззрѣнія держалось, повидимому, первоначально и министерство народнаго просвѣщенія, предоставляя самимъ земствамъ устраивать учительскія семинаріи; но потомъ перемѣнило свой взглядъ, взялось само за устройство этихъ семинарій и желаетъ всѣ ихъ сосредоточить въ своихъ рукахъ. Хотя при этомъ новомъ взглядѣ на дѣло министерство, естественно, желаетъ приобрести въ свое вѣденіе и ранѣе основанныя самими земствами семинаріи, но надобно полагать, что оно желаетъ достигнуть этого путемъ законнаго и свободнаго соглашенія съ земствами, а ни въ какомъ случаѣ, конечно, не путемъ репрессій. И если, несмотря на это, мы видимъ, что дирекціи съ любовью дѣлаютъ тѣ походы противъ земскихъ семинарій, которые изображены въ докладѣ рязанскаго земства, то не можемъ приписать этого ничего другому, какъ ихъ личной ревности не по разуму. Жаль, что таковой важный вопросъ, который долженъ имѣть вліяніе на ходъ всего земскаго образованія, какъ вопросъ о томъ: кому должно принадлежать веденіе учительскихъ семинарій—земству или министерству народнаго просвѣщенія? остается до сихъ поръ въ туманномъ состояніи, а практически разрѣшается министерствомъ, натурально, не въ пользу земства. Было бы желательно, чтобы этотъ вопросъ былъ рассмотрѣнъ особенно наряженной для этого компетентной комиссіей, съ участіемъ въ ней выборныхъ депутатовъ отъ земства, и затѣмъ рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ. Тогда, еслибы и состоялся законъ о предоставленіи права вѣденія учительскихъ семинарій исключительно министерству народнаго просвѣщенія, семинаріи эти перешли бы отъ земства въ вѣденіе министерства, безъ всякихъ недостойныхъ махинацій со стороны низшихъ чиновниковъ послѣдняго, махинацій, парализирующихъ дѣятельность земства, роняющихъ достоинство училищной инспекціи въ глазахъ общества и вообще деморализирующихъ персоналъ училищнаго надзора.

Упомяну и еще одинъ фактъ, чтобы показать, какія препят-

*

ствія приходится преодолевать земству въ дѣлѣ народнаго образованія, и именно отъ излишества, и даже мелочности надвора. Но предварительно я долженъ увѣдомить читателя, что я беру этотъ фактъ изъ дебатовъ послѣдней сессіи петербургскаго земскаго собранія, и буду разсматривать его въ связи съ этими дебатами, а затѣмъ буду говорить и о нѣкоторыхъ другихъ постановленіяхъ, бывшихъ на разсмотрѣніи этого собранія.

Въ 1875 году, инспекторъ народныхъ училищъ, г. Орловъ, ревизуя эти училища въ Петербургской Губерніи, замѣтилъ, что одинъ учитель выходитъ изъ предѣловъ министерской программы, преподавая своимъ ученикамъ естественную исторію, рисованіе и проч., что, по программѣ, не входитъ въ кругъ занятій въ первоначальныхъ народныхъ училищахъ. Естественная исторія въ начальныхъ училищахъ! Но что такое естественная исторія въ начальныхъ училищахъ? Это рассказы про корову, лошадей и т. п., рассказы, безъ которыхъ учителю, пожалуй, трудно обойтись, потому что онъ пользуется ими для возбужденія вниманія учениковъ. А нельзя; противъ программы; могутъ училище закрыть. Что тутъ дѣлать? думаетъ управа, и рѣшается ходатайствовать о расширеніи программы начальныхъ училищъ, хотя и чувствуетъ, что это будетъ не совсѣмъ удобно; ибо сдѣлавшись предметомъ обязательнымъ, естественная исторія стѣснитъ и учителя и учениковъ, и, кромѣ того, такъ какъ въ начальныхъ училищахъ не всѣ мальчики успѣютъ осилить естественную исторію, то расширеніе программы начальныхъ училищъ поведетъ, между прочимъ, къ тому, что не успѣвающіе мальчики будутъ лишаться права на тѣ льготы по отбыванію воинской повинности, которыя даетъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ. Возникни подобный вопросъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, ему конца бы не было и онъ возбуждалъ бы безчисленное множество пререканій и неприяностей. Какой-нибудь усердствующій инспекторъ, въ родѣ Елинатъева, стоялъ бы на томъ, что не только рассказъ о коровѣ, но даже упоминаніе объ одномъ коровьемъ хвостѣ есть уже цѣлый курсъ естественной исторіи и строчилъ бы доносы о тѣхъ начальныхъ училищахъ, гдѣ подобное беззаконіе совершается, требуя ихъ закрытія, а между тѣмъ представленіе управы о расширеніи программы начальныхъ училищъ странствовало бы долгіе годы по разнымъ инстанціямъ, пока не послѣдовало бы отказа. Въ Петербургѣ вопросъ разрѣшился легче, но путемъ экстраординарнымъ. Именно: предсѣдатель собранія, графъ Бобринскій, частнымъ образомъ, «отъ лицъ, близко поставленныхъ министерствомъ

къ дѣлу народнаго образованія», узнавъ, что «министерство находитъ возбужденіе вопроса о расширеніи программы начальныхъ училищъ мало умѣстнымъ въ тѣхъ видахъ, что считаетъ вполне удовлетворительнымъ и достаточнымъ существующій курсъ, полагая въ тоже время, что, какъ въ указанномъ выше Орловскомъ случаѣ, учителя частнымъ образомъ могутъ заниматься съ своими учениками свыше и помимо установленной программы». Изъ этого видно, что министерство вовсе не считаетъ беззаконіемъ, если учитель будетъ сообщать что нибудь ученикамъ и свыше и даже помимо программы. А, между тѣмъ, усердствующіе министерскіе наблюдатели, въ родѣ Епинатьева и ему подобныхъ, стоятъ на томъ, чтобы далѣе программы ни на одну іоту. Сколько намъ извѣстно и тверскую женскую школу г. Максимовича дирекція обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что учителя идутъ въ своемъ преподаваніи далѣе программы.

Согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, графъ Бобринскій предложилъ собранію исключить изъ доклада управы ходатайство о расширеніи курса начальныхъ училищъ, ограничившись изложеннымъ въ томъ докладѣ ходатайствомъ о подчиненіи училищному совѣту двухклассныхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ подчиненія двухклассныхъ училищъ училищному совѣту не будетъ и надобности въ расширеніи курса начальныхъ училищъ, такъ какъ для всякаго способнаго мальчика, желающаго продолжать ученіе, не будетъ никакого препятствія поступить изъ начальнаго училища въ двухклассное. Съ этимъ предложеніемъ согласилось почти все собраніе. Но интересны мотивы, въ силу которыхъ два члена земскаго собранія, они же и члены петербургской городской думы, Домонтовичъ и Санъ-Галли расширеніе программы начальныхъ училищъ признавали не нужнымъ. Домонтовичъ, соглашаясь вполне, что курсъ начальныхъ училищъ совершенно достаточенъ, присовокупилъ, что «болѣе широкое образованіе массы было бы даже вредно, потому что оно отвлекло бы сельскія силы отъ земледѣльческаго труда, уменьшило бы сельскую производительность, такъ какъ, насколько извѣстно ему, Домонтовичу, образованіе отвлекаетъ юношество отъ физическаго труда, что составляетъ прямой вредъ для народа». Очевидно, г. Домонтовичъ впалъ въ утрировку, не видя въ серьезномъ образованіи народа ничего кромѣ вреда. Онъ забылъ, что образованіе и благороднымъ людямъ далеко не всѣмъ доставляетъ пользу; многихъ оно пріучаетъ лишь къ тому, чтобы нетолько дома, но и въ публичныхъ засѣданіяхъ въ думѣ, земствѣ и т. д. болтать всякую ерунду, которая придетъ въ голову.

Впрочемъ, гласный Сан-Галли, поправилъ его, заявивъ въ качествѣ иностранца, что онъ подмѣтилъ вообще за русскими, слѣдовательно и за благородными, тотъ недостатокъ, что они любятъ разбрасываться, ни на чемъ основательно не сосредоточиваясь и что расширеніе (даже!!) программы начальныхъ училищъ естественнаго послужило бы только къ развитію этого русскаго недостатка. По его, г. Сан-Галли, мнѣнію, было бы, конечно, лучше, еслибы русскихъ вовсе ничему не учили, а посылали прямо къ нему, Сан-Галли, на заводъ развиваться на томъ же, на чемъ онъ, кажется, и самъ развился, на выдѣлѣ разныхъ водопроводныхъ *commodités*.

Когда эти два думскія свѣтила высказались и собраніе рѣшило ходатайствовать только о подчиненіи двухклассныхъ училищъ училищному совѣту, то гласный Платоновъ предложилъ собранію просить графа Бобринскаго возбудить этотъ уже рѣшенный земствомъ вопросъ въ дворянскомъ собраніи и такъ какъ дворянство, конечно, не преминетъ присоединиться къ состоявшемуся рѣшенію земства, то вмѣстѣ съ нимъ одновременно и вести это дѣло. Это предложеніе гласнаго Платонова идти въ хвостъ дворянства, взорвало земцевъ — и было отчего. Учрежденію юному, гордому сознаниемъ своего представительства интересовъ цѣлой Россіи, полному надеждѣ, открыто сознаваться въ своемъ безсиліи и идти искать помощи въ учрежденіи сословномъ, одряхлѣвшемъ, продолжающемъ существовать не во имя идеи, а по традиціи — это совсѣмъ постыдно. Нѣчто въ родѣ этого высказано было членами собранія и г. Платонову. Но онъ этимъ нисколько не смутился, а спокойно обратился къ земцамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «Уважаемые мнѣ въ теченіи тѣхъ 12-ти лѣтъ, что земство существуетъ, хотя на одно такое ходатайство земства, которое имѣло бы успѣхъ?» И когда земцы на это замолчали, то гласный Платоновъ продолжалъ: «Та же участь постигнетъ и нынѣшнее наше ходатайство».

Изъ другихъ постановленій петербургскаго губернскаго земскаго собранія послѣдней сессіи заслуживаютъ вниманіе: 1) о такъ называемыхъ ночлежныхъ пріютахъ или интернатахъ для учениковъ двухклассныхъ школъ, и 2) о стипендіяхъ въ петербургскихъ женскихъ врачебныхъ курсахъ.

1. Въ каждомъ уѣздѣ существуетъ двухклассная, содержимая министерствомъ шеола, съ болѣе обширною программой, чѣмъ начальнаго училища, въ которую поступаютъ для продолженія ученія лучшіе изъ учениковъ послѣдней. Такъ какъ многіе крестья-

мать, что оба названные лица, по легкомыслию или по неспособности къ самоанализу—не полные хозяева въ своей собственной душѣ и даже не пытаются связать концы съ концами въ своей внутренней жизни. Какъ у Фауста zwei Seelen wohnen in der Brust, такъ и у г. Утина и Ладовой живутъ въ груди двѣ души. Разница, и не маловажная, состоитъ въ томъ, что Фаустъ знаетъ, что онъ— химера, а потому мучился своимъ «двоедушіемъ», боролся, терзался, искалъ выхода, а Ладова и г. Утинъ невинны, какъ Адамъ и Ева до вкушенія плодовъ древа познанія добра и зла. Муки «больной совѣсти» имъ также мало извѣстны, какъ тому куцу, который ставитъ свѣчку Николаю Чудотворцу въ благодарность за удачу злостнаго банкротства. Молитва сама по себѣ, канканъ самъ по себѣ; Струсбергиада—сама по себѣ, бичъ моралиста—самъ по себѣ. И нисколько они другъ другу не мѣшаютъ. Жизнь такихъ людей можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ очень любопытна, но трагедія изъ нея не скроишь. Это матеріалъ для водевиля, самое большое для комедіи, могущей получить трагическій отгънокъ, но только со стороны, въ тѣхъ третьихъ лицахъ, съ которыми этихъ забавныхъ химеръ сталкиваетъ жизнь.

Но не всегда химеры забавны. Онѣ могутъ быть носителями глубокаго страданія, если даже сознаніе своего «двоедушія» не достигаетъ такой страшной ясности, какъ у Фауста. Жадная натура Фауста искала власти, богатства, чувственныхъ наслажденій, не останавливаясь, въ случаѣ надобности, передъ преступленіемъ, насиліемъ, низостью. Но въ немъ жила и другая душа, полная высшихъ, идеальныхъ стремленій. Она-то и точила Фауста, какъ червь, не давая ему успокоиться ни на чемъ и обнаруживая съ безпощадною ясностью нищету, плоскость, ненужность всего, чего онъ добивался отъ жизни съ такою страстностью. Сократите размѣры Фауста во всѣхъ направленіяхъ, понизьте уровень его требованій и стремленій, отымите у него его безстрашную послѣдовательность, онъ останется все-таки мученикомъ, и такихъ маленькихъ мучениковъ вы не разъ видали. Впрочемъ, для уясненія мученій этихъ маленькихъ мучениковъ, Фауста лучше оставить въ сторонѣ, потому что тѣнь его огромной фигуры не совсѣмъ покрываетъ ихъ тѣни. Дѣло бываетъ обыкновенно такъ: живетъ какой-нибудь Иванъ, тихо, смирно, занимается своимъ дѣломъ, имѣющимъ свои пріятныя и непріятныя стороны, или даже просто ничего недѣланіемъ. Вдругъ откуда-то, совсѣмъ со стороны налетаетъ что-то новое, новыя идеи, чувства, стремленія, настоящихъ корней въ жизни нашего Ивана не имѣющія, но, по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ, получающія для него большое значеніе. Если въ добавокъ, какъ обыкновенно и бываетъ, это новое долетаетъ до Ивана въ болѣе или менѣе туманномъ, неопредѣленномъ видѣ, такъ что онъ не съ разу можетъ разобрать, до какой степени оно ему органически чужое и какой огромной внутренней переработки оно тре-

буетъ для его воспріятія—матеріаль для безконечныхъ мученій готовъ. Душа Ивана раздвоена, онъ сталъ химерой съ бессильно треплющимися крыльями на несообразно тяжеломъ туловищѣ. Старое, привычное таетъ въ одну сторону, новое—въ другую и человекъ изнываетъ, не умѣя отдаться вполне ни тому, ни другому. Не то, чтобы такой результатъ былъ неизбеженъ, но матеріаль для него готовъ. На примѣрѣ дѣло будетъ ясное. Припомните Митю въ «Вѣдность не пороку» Островскаго. Молодой малый живетъ въ прикащикахъ у богатаго и избалованнаго купца Гордѣя Торцова. Малый много терпитъ, но согласенъ терпѣть и еще больше, лишь бы хозяинъ не выгналъ его, потому что онъ влюбленъ въ хозяйскую дочь. У него есть поэтический талантъ; любовь, которую онъ долженъ отъ всѣхъ прятать и держать, какъ дорогую святыню, подъ спудомъ, разогрѣваетъ ему душу, онъ зачитывается Кольцовымъ, онъ самъ сочиняетъ пѣсни. Исторія кончается, какъ извѣстно, вполне благополучно: Митя женится на предметѣ своей любви, становится законнымъ наследникомъ богатаго тестя и кончаетъ, по всей вѣроятности, тѣмъ, что слой жиру затягиваетъ его поэтическія инстинкты. Ничто не мѣшаетъ ему спрашивать у своей жены: «чего моя нога хочетъ?» Онъ спокоенъ духомъ, обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ, пьетъ чай цѣлыми самоварами, водку четвертями, словомъ все идетъ, какъ слѣдуетъ. Но представьте себѣ, что въ ту минуту, когда душа Мити разогрѣта и, по тревожности своего состоянія, особенно отзывчива, являются какіе-нибудь добрые люди съ участіемъ къ его поэтическому таланту, даютъ ему читать сочиненія крупныхъ русскихъ поэтовъ, дѣлаютъ наставленія, подзадориваютъ, поощряютъ, словомъ, играютъ роль раздувательныхъ мѣховъ. Исходъ можетъ быть разный, смотря по обстоятельствамъ, то есть по свойствамъ Мити и раздувательныхъ мѣховъ. Можетъ изъ него выйти своего рода Лядова-Утинъ, поэтъ-аршинникъ, сочиняющій стихи и въ то же время съ броненосною совѣстью обмѣривающій и обвѣшивающій покупателей. Можетъ и такъ случиться, что новая дѣятельность совершенно и кореннымъ образомъ преобразитъ Митю, увлечетъ его въ сферы истины и справедливости и дастъ то удовлетвореніе, которое дается этимъ путемъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, Митя не будетъ знать внутренняго разлада и если придется ему переживать мучительныя минуты, то это не будутъ муки химеры. Но возможенъ еще одинъ исходъ, хуже котораго, лично для Мити, ничего быть не можетъ. Если основной слой лавочническихъ представленій и понятій залегъ въ немъ такъ прочно, что экскурсія въ область мысли, предпринимаемая съ художественными цѣлями, въ состояніи только всколебать его, хотя и представляютъ сами по себѣ нѣчто для Мити заманчивое, отвѣчающее нѣкоторымъ его вкусамъ, бѣдный Митя пропалъ. Онъ изноетъ въ борьбѣ съ самимъ собой, пока, наконецъ, какая-нибудь волна вынесетъ его на тотъ или другой

берегъ, а можетъ и такъ случиться, что онъ до самой смерти никакого берега не увидитъ. Это очень обыкновенная исторія. По всей вѣроятности, въ жизни любого изъ коллекціи самоду-ровъ Островскаго, въ жизни всякаго другого звѣря въ человѣческомъ образѣ, а также въ жизни разнаго рода несчастныхъ людей бывали минуты, такъ сказать, расцвѣта души, дорогія, важныя, всю послѣдующую жизнь опредѣляющія минуты. Почти безразлично, отчего придетъ человѣкъ въ это единственное въ своемъ родѣ состояніе отзывчивости, отчего явится въ немъ эта жажда чего-то хорошаго, большаго, духъ захватывающаго. Почти безразлично, потому что тутъ дѣло вовсе не въ опредѣленности стремленія, а именно только въ отзывчивости, которая является, можетъ быть, въ силу чисто физиологическихъ причинъ. Но понятно, что сама по себѣ отзывчивость ничего не гарантируетъ. Она можетъ «не расцвѣсть и отцвѣсть въ утрѣ пасмурныхъ дней», можетъ вывести человѣка на твердую почву, можетъ и искверкать его. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, кака я дѣйствительность окружаетъ субъекта и въ какой мѣрѣ она въ него вѣлась, и во-вторыхъ оттого, кака я лица предложена ему въ моментъ запроса съ его стороны.

Какой страшный врестъ можетъ, при случаѣ, наложить на человѣка своеобразная комбинація этихъ двухъ условій—это не трудно видѣть изъ біографіи одного изъ довольно извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, Никитина, сочиненія котораго только-что вышли новымъ изданіемъ. (Сочиненія И. С. Никитина, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной и вновь исправленной М. Ѳ. Де-Пуле. Изданіе второе. М. 1878). Мы прослѣдимъ за ней шагъ за шагомъ, по разсказу г. Де-Пуле, приводя въ подлинникъ тѣ мѣста, которыя всего ярче освѣщаютъ «лучшую, по словамъ біографа, поэму Никитина—его жизнь и лучшей изъ созданныхъ имъ типовъ—его самого». Тогда и выяснится, насколько хороши эта поэма и этотъ типъ. Не предрѣшая ничего, скажемъ только, что біографія Никитина, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно поучительна.

Иванъ Савичъ Никитинъ, воронежскій мѣщанинъ, родился въ 1824 году. Отецъ его былъ человѣкъ состоятельный, торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ рублей ассигнаціями—сумма, по тогдашнему времени, очень почтенная. Онъ былъ человѣкъ умный, не лишенный нѣкотораго образованія (въ мѣщанство онъ перешелъ изъ духовнаго званія), но очень крутого нрава, что тяжело ложилось на семью. Граматъ Никитинъ-сынъ научился, повидимому, очень рано у сапожника; первыя прочитанныя имъ книги были «Мальчикъ у ручья» Коцебу и «Луиза, или подземелье лонскаго замка» Раделлифъ. Восьми лѣтъ онъ поступилъ въ духовное училище, а, окончивъ тамъ курсъ—въ семинарію. Учился онъ очень хорошо, но особенно отличался въ словесности. Между прочимъ, и первое свое стихотвореніе онъ написалъ въ семинаріи и показалъ профессо-

ру словесности. «Профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Вначалѣ 40-хъ годовъ, въ воронежской семинаріи были еще свѣжи воспоминанія о Серебрянскомъ и о его другѣ, Кольцовѣ; поэтому литературная производительность пользовалась у семинаристовъ большимъ почетомъ. Между ними Никитинъ скоро приобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта и такое прозваніе нравилось самолюбію отца; поэтому о какомъ-нибудь противодѣйствіи наклонностямъ сына онъ не могъ и думать». Вообще, отецъ не только не противодѣйствовалъ умственному развитію сыну, но даже мечталъ видѣть его въ университетѣ—фактъ, не совсѣмъ обыкновенный въ его время и въ его кругу. Но пока что, а дѣла отца стали по какимъ-то причинамъ разстроиваться, онъ началъ запивать, а, глядя на него и терпя отъ него разныя надругательства, запьянствовала и мать Никитина. Молодому семинаристу тѣмъ тошнѣе было присутствовать при домашнихъ безобразіяхъ, что въ семинаріи онъ поощалъ совсѣмъ другого—Бѣлинскаго, съ его горячимъ, хотя и неопредѣленнымъ зовомъ къ добру, правдѣ и красотѣ. Выѣсто университета, онъ попалъ, однако, за прилавокъ. Почему это такъ вышло, разсудить изъ представленныхъ біографомъ данныхъ довольно трудно. Отецъ, несмотря на разстройство своихъ дѣлъ, не отступалъ отъ своей мечты; сынъ, какъ говорить, правда, вскользь г. Де-Пуле — тоже. Дѣло, повидимому, встало изъ-за матери, которая на колѣняхъ просила мужа не отпускать Ивана Савича въ чужой городъ. Почему самовластный старикъ сдался на просьбу жены, понять тѣмъ труднѣе, что и послѣ смерти матери (послѣдовавшей всего черезъ полгода по окончаніи Никитинымъ семинарскаго курса), молодой человѣкъ все-таки остался за прилавкомъ и въ университетъ не попалъ. Должно быть, самъ поэтъ не особенно рвался. «Еще прежде, при матери, говорить г. Де-Пуле:—Никитинъ просился у родителей отпустить его изъ Воронежа въ другой какой-нибудь городъ—зачѣмъ? онъ самъ не могъ дать себѣ отчета». Какъ бы то ни было, но будущій поэтъ стоитъ за прилавкамъ. Со смертью матери, торговныя дѣла пошли еще хуже, потому что отецъ окончательно запилъ. Много горя испыталъ за это время двадцатилѣтній поэтъ. Отецъ не только пилъ, онъ, во-первыхъ, пропивалъ все, что можно было пропить, а во вторыхъ, буйствовалъ. «Иванъ Савичъ!—кричалъ онъ пьяный:—Иванъ Савичъ! Подлецъ, такой-сякой! А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ тебя въ люди? А? не чувствуешь? Не считаешь отца? Не кормишь его хлѣбомъ. Вонъ изъ моего дома...—И все, что стояло на столѣ для потреби пьянаго человѣка—огурцы, хлѣбъ, солонка, рюмка, стаканы, все это летѣло въ бѣднаго Ивана Савича. И такъ каждый почти день! И неумолаемо почти каждый день раздавались эти дикіе вопли! Бѣдность и нищета дошли до крайнихъ предѣловъ. Все, что можно было прожить, прожито—платье, вѣщи; что доставалось — шло на водку и дикія оргіи. Молодой

натуру, что даже пугало его родственниковъ; стихи его стали печататься въ журналахъ; нашелся издатель, въ лицѣ графа Д. Н. Толстого; сочиненія Никитина были поднесены Высочайшимъ особамъ. Вотъ что писалъ Никитинъ Второву, одному изъ сотрудниковъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», свѣтлы мѣстной интеллигенціи, совѣтнику губернскаго правленія и впоследствии важному петербургскому чиновнику: «Милый Николай Ивановичъ, ура! Отецъ государыни императрицы Александры Ѳеодоровны сію минуту имѣлъ счастье получить золотые часы. Пожалуйте ко мнѣ. Я прибѣгъ бы къ вамъ самъ, но у меня И. А. Придорогинъ и сейчасъ будетъ Л—къ. Приходите посмотрѣть. Цѣлую васъ заочно. Рука дрожить. Извините! 1856 г., числа не помню. Вашъ И. Никитинъ». Никитину было въ это время 32 года. Дворничать онъ не переставалъ, но хотя относился къ этой своей дѣятельности много терпимѣе прежняго, однако, все-таки тяготился ею. Скопилось у него около двухъ тысячъ рублей. Куда ихъ дѣвать? Сначала Никитинъ хотѣлъ купить домъ, но почему-то отдумалъ. «Общество дешеваго изданія книгъ» предложило ему быть его агентомъ въ Воронежѣ, и это подало Никитину первую мысль объ основаніи книжнаго магазина. При помощи друзей и покровителей, нашлись нужные деньги и книжный магазинъ, къ великой радости Никитина, былъ открытъ. Онъ разстался съ постоялымъ дворомъ, чтобы перейти за прилавокъ магазина, въ которомъ видѣлъ не только средство наживы. Книжный магазинъ давалъ ему, во-первыхъ, положеніе, соответствующее кругу его новыхъ знакомствъ, а во-вторыхъ, онъ имѣлъ, по его собственнымъ словамъ, «благородную пѣль знакомства публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній». (Надо, впрочемъ, замѣтить, что и до Никитина въ Воронежѣ было три книжныя лавки). Никитинъ былъ влюбленъ въ свой магазинъ и носился съ нимъ, какъ съ писаной торбой. Болѣзнь (онъ былъ тогда уже сильно боленъ), поэзія, все было забыто. Это очень огорчало его друзей. Одинъ изъ нихъ, Придорогинъ, такъ говоритъ объ немъ въ письмахъ къ Второву: «Физическое истощеніе убило въ немъ поэта; но за то съ необыкновенною силою развернулся въ немъ мелочной и раздражительный духъ спекуляціи. Онъ ничего не пишетъ, мало читаетъ: онъ отсталъ отъ всѣхъ и всего; онъ весь погруженъ въ коммерческіе счеты и расчеты; онъ доживаетъ послѣдніе дни свои въ лавкѣ; его ничто не занимаетъ, кромѣ барыша и выручки. Не могутъ ужиться вмѣстѣ, въ одномъ человѣкѣ, торговля и поэзія; одно что-нибудь непременно убьетъ другое или разладитъ жизненныхъ занятій съ природой убьетъ и самую жизнь». Повидимому, передъ открытіемъ магазина, Никитинъ уговаривался съ друзьями не брать на своемъ товарѣ (книги, бумага, канцелярскія принадлежности) больше извѣстнаго про-

цента, но не исполнялъ этого, за что его, въ особенности Придорожникъ, донималъ.

Въ 1861 году, Никитинъ поехалъ въ Петербургъ, но ни съ кѣмъ изъ писателей познакомиться не пожелалъ. «Онъ искалъ литературнаго товара и знать не хотѣлъ его производителей», говорить биографъ и находить объясненіе этому любопытному факту въ недовольствѣ Никитина тогдашнюю литературу. Биографъ раздѣляетъ это недовольство. И хотя я привожу только факты, сообщаемые г. Де-Пуле, старательно обходя его собственныя размышленія, какъ не особенно драгоценныя, но не могу не выписать слѣдующаго изумительнаго сужденія: Никитинъ «сочувствовалъ направленію «Русской Бесѣды», потому что оно было въ его душѣ, какъ во всякомъ живомъ русскомъ человѣкѣ. Но какъ всякаго живого и просвѣщеннаго человѣка, Никитина возмущали крайности новыхъ литературныхъ направленій: въ крайностяхъ онъ видѣлъ духовную пустоту, отсутствіе въ человѣкѣ внутренняго содержанія. Въ Никитинѣ не было этой пустоты: въ грубой формѣ дворника, въ не совсѣмъ изящномъ образѣ купца, было содержаніе полное, былъ *человѣкъ съ тѣлѣмъ нравственнымъ образомъ, челоювѣкъ, глубоко реальный; въ одно и то же время думающій и о баринѣ и о возвышеннѣмъ идеалѣ*».

Намъ остается позаимствовать у г. Де-Пуле только описаніе предсмертныхъ минутъ «человѣка съ цѣльнымъ нравственнымъ образомъ». Это минуты, по истинѣ, страшныя. Въ нихъ сказался весь ужасъ химерическаго существованія Никитина. Чтобы такъ умереть — не стоитъ и жить, а между тѣмъ, предсмертныя минуты Никитина только подводять итогъ всей его жизни.

Пришла Никитину пора писать духовное завѣщаніе. Душеприказникомъ онъ выбралъ биографа, который рассказываетъ, между прочимъ: «Умирающій сынъ оставался глухъ къ совѣтамъ влючить отца въ духовное завѣщаніе. При всемъ тогдашнемъ вліяніи на Никитина, несмотря на совѣты отца духовнаго и другихъ близкихъ ему лицъ, онъ оставался непреклоннымъ, говоря: «это бесполезно и деньги пойдутъ прахомъ; старикъ имѣетъ домъ, возьметъ къ себѣ племянника съ женой и, я убѣжденъ, доживетъ свой вѣкъ спокойнѣе теперешняго; вы меня знаете, а другіе пусть говорятъ обо мнѣ что хотѣтъ». — Наступилъ день именинъ Никитина. Отецъ и душеприказникъ сядли возлѣ дивана, на которомъ лежалъ умирающій поэтъ. — «Тихо и кротко началъ жаловаться отецъ на больного, говоря, что онъ тревожится, сердится по напрасну, совсѣмъ не бережетъ и убиваетъ себя. «Вотъ хоть бы вы ему посоветовали успокоиться, насъ онъ совсѣмъ не слушаетъ», закончилъ свою жалобу Савва Евтѣичъ. При самомъ началѣ этого разговора, Никитинъ очнулся и замѣтно сталъ прислушиваться къ словамъ отца. Не разъ онъ вскидывалъ глазами, и что-то похожее на улыбку я замѣтилъ на его лицѣ. При послѣднихъ словахъ старика, онъ совсѣмъ

открылъ глаза и какъ-то тревожно смотрѣлъ на насъ обонхъ. Я чувствовалъ потребность сказать хоть что-нибудь, и сказалъ фразу о необходимости спокойствія для больного. Никитинъ быстро приподнялся съ дивана и сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ. «Спокойствіе! воскликнулъ умирающій.—Теперь поздно говорить о спокойствіи!.. Я себя убиваю!.. Нѣтъ—вотъ мой убійца!» Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отцу. Умирающій опустился на диванъ, застоналъ и оборотился къ стѣпѣ, погрузившись въ забытѣе.—«Смерть прекратила страданія Никитина 16-го октября. Съ самаго ранняго утра неотрезвившійся старикъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и взывалъ сильнымъ голосомъ: «кому отказываешь магазинъ? гдѣ ключи? подай сюда духовную?» Эти слова, не произносимыя, а выкрикиваемые, повторялись на всѣ лады: «Иванъ Савичъ! гдѣ деньги?» и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ... Умирающій судорожно вскрикивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Кое-какъ я уговорилъ старика, сказавъ, что духовная у меня, что содержаніе ея онъ скоро узнаетъ, что деньги всѣ цѣлы... Старикъ взвылъ, когда узналъ, что онъ обойденъ наслѣдствомъ. Но слово проклятія не сорвалось съ устъ его... На столѣ лежалъ мертвецъ. Въ пустынномъ домѣ поднялась суета отъ неизбежнаго прихода близкихъ и постороннихъ лицъ и отъ неизбежныхъ въ такихъ случаяхъ хлопотъ; но среди всего этого, раздавались дикіе вопли, прерывавшіе печальное, монотонное чтеніе псалтыря. Для ободренія себя, старикъ прибѣгалъ къ извѣстному средству, ругался и врвался въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ сына. Я вынужденъ былъ напомнить ему о своихъ правахъ душеприкащика. Куда тебѣ! Онъ просто лѣзъ ко мнѣ съ угрозами и ругательствами. Я принужденъ былъ, наконецъ, пострадать его закономъ, призваніемъ полиціи... И все это происходило передъ неостывшимъ еще трупомъ! Слѣвшимъ прибавить, что смерть сына не прошла даромъ Саввѣ Евтѣичу: могучій старикъ крѣпко осунулся и одряхлѣлъ лѣтъ на десять. На другой день и при погребеніи, онъ былъ трезвъ и кротокъ и тихо плакалъ. Онъ почти ослѣплъ и безъ провожатаго уже не могъ ходить. Охотно и незлобиво говорилъ онъ о сынѣ, интересовался поставленнымъ на его могилѣ памятникомъ и каждый разъ заводилъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи, объясняя умолчаніе въ немъ своего имени наговоромъ злыхъ людей, «ибо-де Иванъ Савичъ не таковскій былъ человекъ, чтобы забыть отца; а что они между собой иногда ссорились, такъ мало ли чего не бываетъ—вѣдь и горшокъ съ горшкомъ стальныеваются».

Такъ умиралъ Никитинъ. Мудрено придумать обстановку смерти, болѣе омерзительную, а между тѣмъ, она въ данномъ случаѣ составляла прямой логическій конецъ лучшей поэмы,

созданной Никитины», то-есть, всей его жизни. Съ перваго взгляда ны невольню проникаетесь симпатіей къ этому несчастному человѣку, которому не даетъ спокойно закрыть глаза грубый и пьяный, безобразный отецъ. Ореоль несчастія всегда подкупаетъ, и загубленная жизнь невольню ставится на пьедесталъ. Но приглядываясь къ дѣлу ближе, вы увидите совсѣмъ не то. Нельзя, разумѣется, думать о Никитинѣ безъ сожалѣнія о загубленной жизни, но она загублена такимъ спеціальнымъ, хотя и очень распространеннымъ манеромъ, что вызываетъ именно только одно сожалѣніе, а не сочувствіе. Если искать въ семьѣ Никитина «человѣка съ цѣльнымъ нравственнымъ образомъ», такъ ужъ, конечно, надо признать его не въ сынѣ, а въ отцѣ. Савва Евтвичъ грубъ, отвратителенъ, но, посмотрите, какъ дѣйствительно цѣльно и просто относится онъ къ жизни вообще, къ своему сыну въ особенности; сравните эти отношенія съ двойственностію и изломанностію чуть не всякаго жизненнаго шага Никитина-сына. Можно бы было подумать, что именно пьяное самодурство Саввы Евтвича раздвоило и изломало натуру Ивана Савича. Но этого не было. Многое множество русскихъ сыновей испытываютъ несравненно большій семейный гнетъ, чѣмъ какой выпалъ на долю Никитина. Взять уже одно то, что отецъ не только не мѣшалъ сыну учиться, но всячески поощрялъ его и, повидимому, даже сильнѣе его самого мечталъ о его высшемъ образованіи. Да и вообще, во всей біографіи Никитина, составленной хотя и довольно безпристрастно, но все-таки съ нѣкоторой утрировкой въ пользу поэта, нѣтъ рѣшительно ни одной черты, которая свидѣтельствовала бы о систематическомъ давленіи отца на сына, въ какомъ бы то ни было направленіи. Само собою разумѣется, что толчки, тычки, пьяная ругань отца, бессмысленныя ссоры и попреки составляютъ въ цѣломъ невеселую картину, но русская дѣйствительность знаетъ много картинъ, гораздо худшихъ. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, а въ отношеніяхъ отца и сына. Савва Евтвичъ смотрѣлъ на нихъ чрезвычайно просто. Съ его точки зрѣнія всѣ эти ссоры и дразги были дѣломъ неизбежнымъ, да и не важнымъ: «вѣдь и горшокъ съ горшкомъ сталкиваются». Онъ думалъ, что для сына здѣсь нѣтъ ничего оскорбительнаго, потому что и самъ былъ далеко отъ намѣренія оскорбить. Онъ продолжалъ всѣ свои безобразія безъ злобы, а потому отказывался допустить, чтобы сынъ питалъ къ нему злобу, между тѣмъ, какъ въ сынѣ злоба князля ключомъ, злоба, надо замѣтить, совершенно законная. Лично Никитину было не легче отъ того, что есть на святой Руси люди, которымъ живется тяжелѣе, чѣмъ ему. Не легче ему было и отъ отсутствія злонамѣренности въ отцѣ. Разъ извѣстныя безобразныя отношенія существуютъ, они тяжелѣе для того изъ дѣйствующихъ лицъ, который сознаетъ ихъ безобразіе, хотя бы онъ въ то же время превосходно сознавалъ, что слѣпая судьба связала его съ добрѣйшимъ и благожелатель-

нымъ, собственно говоря, человекомъ. Можетъ и злой человекъ безобразничать, можетъ и добрый человекъ безобразничать, но безобразіе остается безобразіемъ. Дѣло, однако, въ томъ, что когда Никитинъ самъ сталъ на ноги и долженъ былъ самъ за себя отвѣтъ держать, онъ имѣлъ полную возможность покончить съ отцомъ, не унижая себя, не оскорбляя его: стоило только уйти, обезпечивъ отца. Никитинъ предпочелъ жизнь кошки съ собакой; даже худшую, потому что ни кошка, ни собака, никакой звѣрь не способенъ такъ терзать себя нелѣпнымъ, ненужнымъ накопленіемъ злобы, которая разразилась, наконецъ, страшнымъ восклицаніемъ: «вотъ мой убійца». Выносить всю жизнь чортъ знаетъ какія отношенія для того, чтобы грубо, убійственно грубо, возмутительно жестоко разорвать ихъ накануне смерти, когда ужъ и разрывать нечего! Жостче, безправственнѣе мучительнѣе для себя и для отца ничего и придумать нельзя. Отецъ, требующій у умирающаго сына ключей, мерзокъ, но хорошъ и сынъ, наносящій отцу ударъ, стоя одной ногой въ гробу. И еслибы понадобилось выбирать между двумя завѣдомыми безобразіями, такъ ужъ, конечно, лучше этотъ пьяный дикарь, чѣмъ этотъ цивилизованный поэтъ.

Такова одна сторона дѣльности нравственнаго образа Никитина и одна сторона лучшей изъ созданныхъ имъ поэмъ. Остальные въ этомъ же родѣ. Любовныя дѣла Никитина и вообще его отношенія къ женщинамъ изображены въ биографіи довольно ясно, и, однако, настолько ясно, что надо признать очень вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе биографа: «Кажется, нечего говорить, что Никитинъ не могъ увлечься непосредственнымъ чувствомъ и, тѣмъ болѣе, къ существу непосредственному». Это дѣйствительно такъ. И такъ было во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности у Никитина. Непосредственнаго чувства онъ никогда не зналъ, не зналъ и увлеченій, колеблясь на каждомъ шагу. Это бы еще не большая бѣда была какъ лично для Никитина, такъ и для потребителей плодовъ его музыки, еслибы онъ обладалъ выдающеюся силою мысли, которая раскрыла бы ему если не «звѣздную книгу» и не говоръ «морской волны», то, по крайней мѣрѣ, кое-что изъ ближайшихъ житейскихъ дѣлъ. Но е сила мысли Никитина даже говорить смѣшно (г. Де-Пуле, впрочемъ, говоритъ). Даже фигуральное выраженіе «полетъ мысли», совсѣмъ не идетъ къ нему, потому что къ мысли его судьба привязала пудовыя гири. Если вычтеть пятокъ другой дѣйствительно удачныхъ стихотвореній Никитина, да вещи робски раздражительныя, то Никитинъ представитъ намъ именно къ видѣ химеры, съ бессильно трещающимися крыльями. Возьмемъ, напримѣръ, на удачу стихотвореніе «Владбище»:

Какъ часто я съ глубокой думой
Вокругъ могилъ охнулъ брому
И на курганы ихъ мажу
Съ тоской тяжелой и угрюмой,

Какъ больно мнѣ, когда порой
 Могильщикъ грубою рукой,
 Гробъ новій въ землю опуская,
 Стоитъ съ осклабленнымъ лицомъ
 Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
 Святину смерти оскорбляя.
 Или когда въ травѣ густой,
 Остатокъ жалкій разрушенья,
 Вдругъ черепъ я найду сухой,
 Престолъ ума и вдохновенья,
 Лишенный чести погребенья,
 И пораженъ, и недвижимъ,
 Сомнѣнья холодомъ облитъ,
 Я мыслю, скорбію томимъ,
 Надъ жертвой тѣбѣя забытой...

И т. д. Слѣдуетъ рядъ гамлетовскихъ вопросовъ, къ которымъ прибѣгали чуть не всѣ поэты, великіе и маленькіе. Но мысль Никитина только на одну минуту поднимается къ этимъ вопросамъ и сейчасъ же тяжело опускается внизъ: «нѣтъ! прочь бесплодное сомнѣнье!» и т. д. У насъ считали, а многіе и до сихъ поръ считаютъ Никитина народнымъ поэтомъ и, какъ такового, его и судятъ. Надо отдать справедливость г. Де-Пуле, онъ не раздѣляетъ этого предразсудка, основаннаго единственно на мѣщанскомъ происхожденіи Никитина. Г. Де-Пуле справедливо замѣчаетъ, что Никитинъ даже, собственно говоря, не зналъ народа, потому что жилъ безвыѣздно въ Воронежѣ и сталкивался съ народомъ очень одностороннимъ образомъ: къ качествѣ хозяина постоялаго двора. Дѣйствительно, односторонность эта была такова, что внушала Никитину даже враждебное и гадливое отношеніе къ народу, которое, конечно, рѣдко проскакивало въ его поэтическія произведенія, но тѣмъ не менѣе существовало, а въ перепискѣ даже довольно ясно обнаруживалось. Г. Де-Пуле опять таки вполне справедливо говоритъ, что того непосредственнаго отношенія къ окружающей жизни, которымъ только и можетъ быть силенъ народный поэтъ, у Никитина не было и быть не могло: онъ былъ для этого слишкомъ «развитъ», слишкомъ «рефлективенъ», слишкомъ «литераторъ» (я прошу читателя запомнить это); онъ былъ всормленъ не народными понатіями, а литературой сороковыхъ годовъ. Было бы, однако, совсѣмъ несправедливо относить все въ Никитинѣ на счетъ задѣвшихъ его литературныхъ вліяній, и самъ биографъ готовъ отчасти согласиться, что въ его героѣ сидѣлъ торгошъ, кулакъ. Оригинальнѣе всего выразилось это обстоятельство въ извѣстной поэмѣ «Кулакъ». Это въ самомъ дѣлѣ замѣчательное произведеніе но главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что едвали какому другому поэту пришло бы въ голову выражать на такомъ большомъ количествѣ страницъ свое сочувствіе къ кулаку. Нужно было много, если не умѣнья, то искренняго сочувствія и, такъ сказать, залѣзанія въ шкуру кулака, чтобы опозитивировать его, не

скрывая его мошеннических продѣлокъ и всей его безпутной жизни. Это очень вѣрно понялъ чуткій другъ Никитина, Придорогинъ; онъ говорилъ, что Никитинъ оттого и написалъ хорошо «Кулака», что самъ кулакъ. Не даромъ поэтъ называетъ своего героя «несчастливымъ братомъ». Не даромъ онъ оманчиваетъ поэму такъ:

И мнѣ по твоему пути
 Пришлось бы, можетъ быть, идти,
 Но я избралъ иную долю...
 Какъ узникъ, я рвался на волю...
 Упрямо цѣпи разбивалъ!
 Я свѣта, воздуха желалъ!
 Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
 Ни силъ, ни жизни молодой
 Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
 Во благо-ль? Небесамъ извѣстно...
 Но блага я просилъ у нихъ!
 Не ради шутки, не отъ скуки
 Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ —
 Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
 Моей душѣ была близка
 Вся грязь и бѣдность кулака!

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что никакой «борьбы съ судьбой» Никитинъ въ дѣйствительности не продѣлывалъ или, по крайней мѣрѣ, она имѣла такой микроскопическій характеръ, что и помянуть ее нечѣмъ. Не разбивалъ онъ также никакихъ «цѣпей», а, напротивъ, очень покорно принималъ ихъ. Правда, онъ всю жизнь боролся, но только съ самимъ собой, бессильно пытаясь замать въ себѣ то одну, то другую сторону своего половинчатого существованія. Передъ судьбой же своей дѣйствительно несчастной, онъ настежь растворялъ двери. Нагнала на него судьба литературу 40-хъ годовъ, онъ ее принялъ безъ борьбы, какъ безъ борьбы терпѣлъ невозможныя семейныя отношенія. Тутъ даже и признаковъ борьбы «съ судьбой» нѣтъ. Но нельзя также ее видѣть въ томъ, что Никитинъ быстро поправилъ денежные дѣла, самъ взявшись за постоянный дворъ, а потомъ за книжный магазинъ. Это свидѣтельствуетъ только о практической ловкости, которая была свойственна не только поэтическому смѣлу, но и прозаическому отцу, пока онъ не запянулъ воевать.

Какъ ни какъ, человекъ былъ глубоко несчастливъ. Кто же разбилъ его жизнь, кого звать за нее къ отвѣту? Самъ Никитинъ, очевидно, слишкомъ слабосильный человекъ, чтобы выдерживать бремя отвѣтственности. Корней его невзгодъ надо искать во всей его обстановкѣ, и потому-то такъ любопытна его біографія. Будь это крупный человекъ, онъ затмилъ бы собой всѣ окружающіе предметы и біографія его имѣла бы можетъ очень большой, но исключительно личный интересъ. Люди сѣренькіе, легко поддающіеся волнамъ общественныхъ теченій, съ извѣстной точкой зрѣнія, много любопытнѣе.

Никитинъ выросъ въ извѣстной средѣ, свойства которой вѣжли въ него неизгладимо, на всю жизнь. Сынъ кулака, онъ и самъ былъ кулакъ, торгашъ. Онъ и остался бы имъ безъ всякой примѣси, еслибы не замѣшалось одно обстоятельство—нѣкоторый поэтический талантъ или, по малой мѣрѣ, версификаторская способность. И это бы еще сошло ему съ рукъ, какъ сошло съ рукъ Митѣ и многому, вѣроятно, множеству другихъ подобныхъ версификаторовъ. Но онъ попалъ въ особенныя условія: въ Воронежѣ помнили Больцова, семинарскій профессоръ одобрялъ вирши молодого кулака, въ семинаріи читались Бѣлинскій, Пушкинъ, Лермонтовъ. Попавъ въ эти условія, въ минуту душевнаго расцвѣта, когда у каждаго молодого человѣка «кровь кипитъ» и «силъ избытокъ», Никитинъ рьяно лѣзетъ на Парнасъ, а тутъ еще подвертывается мѣстная, воронежская интеллигенція въ лицѣ гг. Второва, Александрова-Дольнича, Придорогина, Де-Пуле. Поощренія, подзадориванія, раздувательные мѣха... Воронежская плеяда состояла изъ типичнѣйшихъ людей 40-хъ годовъ, а объ людяхъ 40-хъ годовъ писано такъ много, что здѣсь рассуждать объ нихъ не приходится. Несомнѣнно то, что плеяда, принявшая такое горячее участіе въ поэтѣ-дворникѣ, окружила его туманной атмосферой... Трудно, впрочемъ, теперешнимъ языкамъ, по необходимости требующимъ точности, объяснить въ чемъ состояла эта туманная атмосфера. Пусть говорить г. Де-Пуле, онъ это дѣло знаетъ: «Отрицая свое (не всегда съ достаточнымъ основаніемъ и знаніемъ дѣла), Бѣлинскій указывалъ на европейскіе или, какъ онъ любилъ выражаться, не общечеловѣческіе, не всегда пригодные для насъ идеалы, это правда; но посмотрите каковыя превосходнымъ орудіемъ онъ дѣйствовалъ! Стремленіе къ идеалу онъ проводилъ путемъ эстетическаго, глубоко жизненнаго воспитанія, путемъ благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ, знанію, путемъ, наконецъ, самого внутренняго, культурнаго, такъ сказать, гуманизма. Въ отрицаніи Бѣлинскаго нѣтъ и тѣни того, что мы замѣчаемъ у его незаконныхъ дѣтей... невѣжества и потрясенія основъ семейной жизни и благоустроеннаго общества». Не будемъ разбирать, что именно въ этой тирадѣ должно быть отнесено на счетъ Бѣлинскаго и что—насчетъ г. Де-Пуле и другихъ. Я привелъ ее только для характеристики вліяній, подъ которыми воспитался Никитинъ: «эстетическое, глубоко-жизненное воспитаніе», «благоговѣйное уваженіе къ наукѣ», «самый внутренній, культурный, такъ сказать, гуманизмъ», безъ потрясенія, однако, основъ. Все это формулы, по малой мѣрѣ, слишкомъ общія и расплывчатая, чтобы усвоившій ихъ себѣ могъ воплотить ихъ въ практической жизни положительнымъ образомъ. Понятно, что человѣкъ, много слышанный о красотѣ, о гуманизмѣ, о благоговѣйномъ уваженіи къ наукѣ, долженъ отрицательно относиться къ запаху сивухи и непечатнымъ словамъ; понятно, что эти некрасивыя вещи должны оскорблять его. Такъ и было съ Никитинымъ. Онъ проклиналъ окружающую его «грязь»

ную действительность». Но, чтобы пойти дальше такого проклятия, надо было или недюжинныя силы имѣть, или попасть въ лучшія условія, чѣмъ въ какія попалъ Никитинъ. Кулакъ, торгашъ и вообще человекъ данной среды сидѣлъ въ Никитинѣ уже такъ сильно, что неопредѣленная проповѣдь добра, красоты и истины не могла сдѣлать въ немъ какую-нибудь радикальную переимѣну. Она могла только почистить его, приодѣть, причесать. Постоялый дворъ безъ непечатной ругани и сивухи удовлетворилъ бы его, да онъ и нашелъ такой постоялый дворъ въ своемъ книжномъ магазинѣ. Придорогинъ, наиболѣе симпатичный изъ плеяды, но, кажется, наименѣе вліявшій на Никитина, приходилъ въ ужасъ отъ того, что поэтъ-книготорговецъ бралъ на нѣкоторыхъ товарахъ по 25 и 50% барыша. Онъ видѣлъ въ этомъ паденіе, между тѣмъ, какъ никакого паденія тутъ не было. Никитинъ, чѣмъ былъ, тѣмъ и остался. Идеалистъ Придорогинъ, по близорукости, принималъ прежнее недовольство постоялымъ дворомъ за настоящій протестъ противъ «грязной действительности», тогда какъ это былъ только протестъ противъ грубыхъ ея формъ. Самой сути Никитина литературныя вліянія вовсе не затронули, они только раздули искорку его таланта. Но воспѣвать барышъ «языкомъ боговъ» — не полагается; полагается, напротивъ, воспѣвать безкорыстіе, «самый внутренній, такъ сказать, культурный гуманизмъ», красоту природы и тому подобныя прекрасныя вещи. Поэтому Никитину волей-неволей пришлось стать одной ногой въ область прекрасныхъ вещей, оставаясь другою на постояломъ дворѣ. Отсюда вся эта болѣзненная, гнетущая рефлексія, не позволяющая сдѣлать ни одного твердаго шага, вся эта мучительная изломанность и раздвоенность. Еслибы Никитинъ былъ также невиненъ, какъ Лядова или г. Утигъ, онъ могъ бы жить припѣваячи, но, къ большому его личному несчастію, онъ до извѣстной степени ясно сознавалъ свое положеніе.

Владѣ Никитина въ русскую литературу такъ ничтоженъ, что говорить объ немъ можно развѣ только въ видѣ простого извѣщенія о выходѣ новаго изданія его сочиненій¹. Мы говорили гораздо больше, единственно въ виду поучительности его біографіи, которая стоитъ не одиноко. Припомните хоть только литературныя типы людей 40-хъ годовъ, потрудитесь реставрировать исторію ихъ развитія и вы увидите цѣлый рядъ варьцій на тѣму жизни Никитина. Вездѣ одна и таже исторія: по-

¹ Кстати объ этомъ новомъ изданіи. Въ немъ во-первыхъ почему-то совсѣмъ недостаетъ стихотворенія «На пепелищѣ» (одного изъ лучшихъ); во-вторыхъ, выпущена примѣрно половина стихотворенія «Нищій»; въ-третьихъ, въ стихотвореніи «Вхалъ изъ ярмарки ухорь-купецъ» заключительныя энергическія строки:

Кѣмъ ты людъ бѣдный на свѣтъ породенъ,

Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

тоже выпущены. Зачѣмъ все это?

мѣщикъ въ душѣ, чиновникъ въ душѣ, гусарь въ душѣ, кулакъ въ душѣ получаетъ въ извѣстный моментъ «просіяніе своего ума» отъ тѣхъ-же общихъ расплывчатыхъ формулъ, которыя и Никитина обдали. Конечно, онъ можетъ отвердить эти формулы и вложить въ нихъ опредѣленное содержаніе, но на это далеко не всякій способенъ. Для этого нужно, чтобы человѣкъ или ясно сознавалъ, что воспринятіе проповѣди добра, красоты и истины требуетъ предварительной глубокой внутренней переработки, или же, чтобы такая переработка не составляла необходимости, то есть, чтобы въ человѣкѣ не было затвердѣлыхъ осадковъ изъ данной среды. Большинство людей 40-хъ годовъ не представляло ни тѣхъ, ни другихъ условій. Литературныя, эстетико-философско-гуманитарныя вѣянія задѣвали людей, не вырывая ихъ, однако, изъ омота ихъ среды. Они оставались по жизни и духу помѣщиками, чиновниками, солдатами, кулаками, а затѣмъ предстояло два выхода: для вполне невинныхъ людей—роль химеры забавной, совершенно спокойное служеніе Богу и Маммонѣ; для людей болѣе или менѣе сознающихъ свое положеніе—роль трагической химеры, изломанность, раздвоенность, муки негѣпой внутренней борьбы. Иному надо бы, по его подлиннымъ вкусамъ и интимнѣйшимъ стремленіямъ, на бѣломъ конѣ среди опасностей боя сказать, или жить да добро наживать, или чиновникамъ особыхъ порученій состоять, а онъ философией Гегеля, гуманизмомъ и проч. по рукамъ и по ногамъ связанъ. Наши большіе художники давно все это въ лицахъ представляли, и я, пользуясь біографіей Никитина, только обращаю ваше вниманіе на общій корень всѣхъ этихъ лишнихъ людей, Степановъ Трофимовичей и проч., и проч.

Весь этотъ несчастный людъ сошелъ или сходитъ со сцены. Но химеры не исчезли, однако; химеры не только забавныя, которыхъ всегда въ волю, а и трагическія. Будто и между нами нѣтъ несчастныхъ раздвоенныхъ людей, разрываемыхъ въ разныя стороны? Конечно, есть. Дѣло въ томъ, что специальную особенность 40-хъ годовъ составляла туманность «самого внутреннего, культурнаго, такъ сказать, гуманизма». Но и гораздо болѣе точная, безукоризненно даже опредѣленная программа жизни не устраняетъ сама по себѣ возможности химерическаго существованія. Возьмемъ какую-нибудь очень ясно сформулированную программу. Припомните сцену на «кухнѣ вѣдьмъ» въ «Фаустѣ»:

Фаустъ.

И въ этотъ омутъ сумасбродный
Ты, не спросясь, привелъ меня?
И что за глупость, за уродство
Хотѣть и думать, чтобы я
Искалъ у вѣдьмы исцѣленья!
Вся эта вздорная, негѣпная стряпня
Вселяетъ только отвращенье!
И ничего-то ты не выдумалъ умнѣй,

Чтобъ сбросить мнѣ десятокъ лѣтъ съ костей
Такъ я—увн! надѣлся бесплодно
На жизненный спасительный елей!
Природа, думалъ я, или геній благородный...

Мефистофель.

Свой вздоръ ты заключилъ умно;
Но средство есть еще другое,
Да жаль, дешевое, простое,
Оно въ курьёзную тетрадь занесено
И тамъ отмѣчено особою графомъ.

Фаустъ.

Я знать хочу!

Мефистофель.

Да вотъ оно:
Не надо тутъ ни заклинаній,
Ни денегъ, ни врачебныхъ знаній;
Ступай въ деревню, землю рой,
Въ кругъ тѣсный заключися духомъ,
Живи не головой, а брюхомъ,
И со скотами, за сохой,
Доволенъ будь въ безвѣстной долѣ;
Питайся пищею простой,
Да не считай за грѣхъ порой
Самъ удобрять для жатвы поле;
Вотъ средство лучшее, замѣть,
На много лѣтъ помолодѣть.

Фаустъ.

Я не привыкъ съ сохой возиться,
Не склоненъ къ сельской тишинѣ
И жизнь такая не по мнѣ.

Мефистофель.

Тавъ надо къ вѣдмѣ обратиться.

Фаустъ—не молодой человѣкъ, напротивъ, онъ ищетъ средства помолодѣть. Пора душевнаго расцвѣта, особенной отзывчивости для него давно миновала. Притомъ же дьяволъ Мефистофель представляетъ «другое средство», въ такомъ несоблазнительномъ видѣ. Понятенъ поэтому холодный отвѣтъ Фауста. Но то же самое средство можно вѣдь и очень заманчиво разукрасить, такъ что молодая душа откликнется. Представьте же себѣ теперь, что соответственные идеи и чувства получаютъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, характеръ болѣе или менѣе распространеннаго, широкаго вѣянія, въ такомъ родѣ, какими въ свое время были туманныя и расплывчатая эстетико-философско-гуманитарныя формулы 40-хъ годовъ. При такихъ условіяхъ всякому молодому человѣку данной эпохи придется, такъ или иначе, столкнуться съ означенными идеями и чувствами. Но, какъ и всегда, званыхъ будетъ сравнительно много, а избранныхъ—сравнительно мало. Одни какъ разъ подойдутъ къ требованіямъ новаго, другіе почувствуютъ необходимость предварительной внутренней переработки и болѣе или менѣе удачно справятся съ этой задачей, третьи—бросятся, очертя голову, един-

ственно въ силу молодой отзывчивости. А затѣмъ... затѣмъ изъ этихъ третьихъ могутъ выйти своего рода Никитины, лишніе люди, Степаны Трофимычи и проч. Г. Тургеневъ, который только эту сторону дѣла и могъ понять, на ней именно построилъ своего Нежданова. Неждановъ, между прочимъ, жалуется такъ: «какое право имѣлъ отецъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые не свойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу, да и пихнулъ ее въ воду!» Тутъ надо выкинуть изъ счета ту подкладку на французскій манеръ и именно на манеръ средняго, буржуазнаго французскаго общества, которую г. Тургеневъ счелъ умѣстнымъ положить подъ Нежданова; въ томъ обществѣ, въ которомъ вращается Неждановъ, незаконное происхожденіе не играетъ такой роли, а потому всѣ протесты и вся обидчивость Нежданова, направленные въ эту сторону, рѣшительно ни чѣмъ не оправдываются. Вѣрно, однако, то, что Неждановъ, будучи въ душѣ баринкомъ, случайно попалъ въ водоворотъ, совсѣмъ для его сути не подходящій, попалъ очертя голову, ничего не зная, не сообразивъ; но разъ признавъ извѣстныя вещи истинными и справедливыми, онъ не въ состояніи съ ними разорвать, какъ не въ состояніи и себя передѣлать. Онъ не въ силахъ совлечь съ себя ветхаго Адама, но настолько уменъ, что понимаетъ фальшивость всякаго своего шага, мучится химерическимъ своимъ существованіемъ и кончаетъ самоубійствомъ. Къ этому послѣднему обстоятельству г. Тургеневъ приклеилъ любовную интригу, которая, однако, составляетъ случайный аксессуаръ и безъ которой легко можно было обойтись, безъ которой Неждановы, въ дѣйствительности, часто и обходятся. Какъ ни какъ, Неждановъ кончилъ самоубійствомъ и въ этомъ его отличие отъ Никитиныхъ, лишнихъ людей, Степановъ Трофимычей. Тѣ всю жизнь ныли, плакали, терзались, несли свое нытье въ публику, на торжища и стогна и не дѣлали рѣшительно ничего для прекращенія своихъ мученій. Неждановы обрываютъ дѣло съ разу. Отчего это завидеть? Вотъ отчего. Со времянь 40-хъ годовъ, формулы жизни, захватывающія отзывчивыхъ людей, такъ сказать, уловляющія людей въ моментъ ихъ душевнаго расцвѣта, становятся все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе. «Самый внутренній, культурный, такъ сказать, гуманизмъ»—это такая штука, подъ которую можно подсунуть многое разное. Инстинктъ жизни силенъ, и, пока есть хоть подобіе опоры для жизни, человекъ за него хватается, чтобы жить, жить и жить, хотя бы среди страшныхъ мученій. Никитинъ, раздраемый внутреннимъ разладомъ, желалъ и могъ вѣрить, что 50% съ книжнаго магазина много благороднѣе такихъ же 50 процентовъ съ постоялаго двора, потому что формулы внутренняго, такъ сказать, культурнаго гуманизма, своею полною неопредѣленностью, допускали такую постановку вопроса. Съ уясненіемъ дѣла, съ внесеніемъ въ него все болѣе и

большей опредѣленности, такіа шаткія опоры все исчезаютъ, а, слѣдовательно, должна сокращаться продолжительность химерическаго существованія. Та вѣра, которую Неждановъ публично исповѣдуетъ, не имѣетъ никакихъ корней въ его душѣ; онъ принялъ ее пассивно изъ рукъ, такъ сказать, эпохи; въ немъ самомъ живутъ инстинкты и вкусы совершенно противоположнаго свойства. Столкновеніе это разрѣшается цѣлымъ рядомъ страданій, которыя, въ прежнія времена, только мѣшали бы человѣку жить, но не обязывали бы его умереть, потому что, благодаря неясности очертаній его идеаловъ, человѣкъ этотъ могъ бы за что нибудь въ нихъ уцѣпиться. Нежданову не за что уцѣпиться, безпомощность его слишкомъ ясна, его публичная вѣра и его подлинныя инстинкты такъ опредѣленны, такъ настоятельно сводятся на одну ставку самою жизнью, что здѣсь не можетъ быть мѣста продолжительному обману и самообману. По крайней мѣрѣ, здѣсь его несравненно меньше, чѣмъ въ жизни химеръ стараго времени. И вотъ почему мы видимъ, что тѣ химеры нынѣ, ломались, но жили, тогда какъ нынѣшнія кончаютъ съ собой очень скоро, не оглашая окрестностей lamentаціями: lamentировать некогда. Они кончаютъ скоро и очень часто даже слишкомъ скоро, въ виду одной, двухъ неудачныхъ пробъ, еще недостаточно рѣшительныхъ...

Я убѣжденъ, что извѣстная часть нынѣшнихъ самоубійствъ именно такого происхожденія. Значить, въ нихъ, при всей тяжелой скорбности факта безвременнаго и насильственнаго расчета съ молодой жизнью, есть нѣчто и утѣшительное. Эти трупы свидѣтельствуютъ о ростѣ мысли и идеаловъ, объ томъ, что они выясняются и что познаніе добра и зла не представляетъ уже нынѣ такихъ трудностей, какія лежали предъ нашими отцами, хотя практическое осуществленіе добра обставлено большими препятствіями.

Конечно, измѣреніе роста мысли и общественнаго сознанія самоубійствами можетъ показаться парадоксальнымъ... Впрочемъ, объ этомъ говорить не приходится здѣсь, въ литературныхъ замѣткахъ. Будемъ говорить о литературѣ.

Толки объ упадкѣ литературы и ея значенія стали нынѣ общими мѣстомъ. Но г. Достоевскій замѣтилъ однажды, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ литераторомъ, толки эти не прекращались, то есть, что всегда, въ самой литературѣ, раздавались сѣтованія объ упадкѣ литературы. Надо, поэтому, думать, что и въ нашихъ сѣтованіяхъ, можетъ быть, и справедливыхъ, есть нѣкоторыя недоразумѣнія.

Я обращаюсь опять къ Никитину. Г. Де-Пуле характеризовалъ его, между прочимъ, если читатель помнитъ, словомъ «литературный» человѣкъ. Де-Пуле, конечно, очень хорошо понимаетъ, что хочетъ сказать этимъ словомъ и пишетъ его съ очевиднымъ сочувствіемъ. Я, будучи много моложе г. Де-Пуле и

зная больше по наслышкѣ тѣ времена, о которыхъ онъ вспоминаеть, понимаю его, но сочувствовать не могу. А иной изъ моихъ читателей, можетъ быть, и совсѣмъ не пойметъ: какаа это такая характеристика—литературный человѣкъ. Въ старые годы, когда воронежская интеллигенція виѣдрала въ Никитина «самый внутренний, такъ сказать, культурный гуманизмъ» и «эстетическое, глубоко-жизненное воспитаніе», и въ особенности немного раньше, въ тѣ годы литература представляла собою нѣчто не отъ міра сего. Такъ выходило и по вкусамъ самихъ сочинителей, и по виѣшнимъ, отъ нихъ независящимъ обстоятельствамъ, и по складу всей русской жизни. Я говорю, разумѣется, вообще; исключенія были, даже очень крупныя и всѣмъ извѣстныя. Написать человѣкъ стихотвореніе, повѣсть, выразить въ стихахъ или прозѣ «благотворное уваженіе къ наукѣ», и дѣло въ шляпѣ: онъ литераторъ. Кто презиралъ литературу, какъ пустую болтовню, тотъ презиралъ и его; кто уважалъ литературу, какъ служеніе Аполлону и музамъ, тотъ уважалъ и его. Никто не вглядывался въ заданную имъ себѣ задачу, никто не интересовался даже тѣмъ, есть ли у него какаа-нибудь задача. Читатель желалъ «интереснаго», духъ захватывающаго романа для услажденія своихъ досуговъ, красивыхъ, музыкальныхъ стиховъ, выраженія благотворнаго передъ абстрактно хорошими вещами, какова, на примѣръ, наука. На этихъ скромныхъ требованіяхъ сходились и уважавшіе, и презиравшіе литературу, потому что и послѣдніе не отказывались услаждать свои досуги «праздной болтовней» поэзіи и прозы. Можно даже сказать, что и они, въ извѣстномъ смыслѣ, уважали литературу, конечно, не въ большей мѣрѣ, чѣмъ цыганку Стешку, которая умѣетъ хорошо «плечами говорить». Вообще говоря, отношенія между обществомъ и литературой были мирныя. Одна часть общества даже благотворила передъ ней, а другая, по крайней мѣрѣ, снисходила. И всѣ отлично понимали странную, на теперешній взглядъ, квалификацію «литературнаго человѣка». Это былъ, если не самъ служитель Аполлона и музъ, то, по крайней мѣрѣ, приватъ-звонарь храма литературы. Положеніе чрезвычайно удобное, если принять въ соображеніе все вышесказанное по поводу біографіи Никитина. Литературный человѣкъ, то есть и самъ священнослужитель, и приватъ-звонарь, пока Аполлонъ не требовалъ ихъ къ священной жертвѣ, могли заниматься чѣмъ имъ угодно, проводить время какъ угодно и дружить съ кѣмъ угодно. Благодаря расплывчатости общихъ формулъ, которыми пробавлялась литература, священнослужитель-кулакъ, приватъ-звонарь—чиновникъ и проч. дружески встрѣчались въ храмѣ музъ, и затѣмъ каждый шелъ къ дѣлу своему, ничѣмъ или почти ничѣмъ не обязанный. Но вотъ дѣла стали помаленьку обостряться. Какъ въ «Театральномъ развѣздѣ» Гоголя, стали поговаривать, что, дескать, «за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ». Дальше—больше. Стали сортировать годное и годное не только по музы-

кальности стиха и интересности завязки и развязки, а по внутреннему содержанию. Расплывчатая формула начала выясняться, принимать болѣе опредѣленный характеръ, который, именно вслѣдствіе своей сравнительной опредѣленности, не могъ всѣмъ «любителямъ просвѣщенія» одинаково нравиться. Повидимому, кредитъ литературы сталъ падать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ росъ, росъ вмѣстѣ съ обществомъ, которое, худо ли, хорошо ли, начало сознавать свои разнопорстныя интересы, а потому желало не абстрактной литературы, не литературы вообще, а литературы съ опредѣленной фізіономіей. Но тутъ подвернулся нашъ присно-памятный періодъ возрожденія наукъ и искусствъ, и литература, какъ таковая, опять попала въ честь. На этотъ разъ такъ вышло не потому, что литература стояла особнякомъ отъ жизни и всѣмъ одинаково нравилась, потому что одинаково никому не была нужна. Нѣтъ, на этотъ разъ литература попала въ честь по чистому недоразумѣнію. Произошло какое-то смѣшеніе языковъ, въ силу котораго всѣмъ казалось, что они чрезвычайно единодушны и что всѣ они хотятъ одного и того же. Чего именно—это было не совсемъ ясно. Вслѣдствіе этого химеры появились въ огромномъ количествѣ (иному, опять-таки, надо бы на бѣломъ конѣ скакать, а онъ сгоряча въ мировые посредники шелъ или изъ-за вольно-наемнаго труда распинался), а вмѣстѣ съ этою неопредѣленностью стремленій получило и уваженіе къ литературѣ. На литераторовъ ходили смотрѣть, имъ обѣды задавали, къ нимъ на поклоненіе ходили, видя въ нихъ просто и только литераторовъ, служителей печатнаго слова. Какъ только кончилось смѣшеніе языковъ и каждый успокоился подъ смоковницей своей, такъ исчезъ и этотъ миражъ уваженія къ литературѣ. Немедленно выяснилось, что служители слова бываютъ разные, потому что и слова они говорятъ разные. Иной такіа возмутительныя слова говорить, что его не уважать, а презирать надо и проклипать. *Tempora mutantur et nos mutantur in illis*. Теперь писатель, который вздумалъ бы угодить всѣмъ или очень многимъ, рискуетъ не угодить никому. Бывали, конечно, случаи, что «на голосъ невидимой перы шелъ воинъ, купецъ и пастухъ», но та перы, объ которой говорится въ этихъ стихахъ, была женщиной неодобрительнаго поведенія. Теперь каждый писатель долженъ имѣть и дѣйствительно имѣть своихъ особенныхъ читателей, которые смотрятъ на него не какъ на абстрактнаго литератора, не какъ на служителя Аполлона и музъ, а какъ на выразителя, объяснителя, истолкователя болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ чувствъ и мыслей. «Литературный человекъ» исчезаетъ. На его мѣсто являются люди, одушевленные опредѣленными взглядами и, по своимъ склонностямъ и талантамъ, а равно и по другимъ обстоятельствамъ, избравшіе перо орудіемъ распространенія этихъ взглядовъ. Теперь между двумя литераторами сплошь и рядомъ гораздо меньше общаго, чѣмъ между литераторомъ и сапожникомъ, литераторомъ и священникомъ, литера-

торомъ и помѣщикомъ и проч. Конечно, дѣло стоять еще пока не такъ рѣзко и традиція литературнаго человѣка не совсѣмъ исчезла, но въ самомъ близкомъ будущемъ отъ нея не останется и слѣда. Говорятъ: у насъ нѣтъ партій. Это не совсѣмъ вѣрно. Имъ просто трудно найти поприще для исполнѣння открытаго своего выраженія. Хорошимъ подтвержденіемъ могутъ служить существующіе теперь въ Петербургѣ такъ называемыя литературныя обѣды. Имѣя въ виду объединить литераторовъ, какъ таковыхъ, безотносительно къ ихъ взглядамъ и мнѣніямъ, это, смѣю сказать, странное учрежденіе какъ бы показываетъ, что идея литературнаго человѣка жива во всей полнотѣ. Но это только одна видимость, потому что въ дѣйствительности на литературныхъ обѣдахъ нѣтъ никакого объединенія, а есть одна скука. Въ прежнія времена дѣло пошло бы гораздо веселѣе. Собрались бы господа литераторы, одинъ прочиталъ бы хорошенькое стихотвореніе, другой главу изъ новой повѣсти, третій сказалъ бы рѣчь о пользѣ наукъ и искусствъ и всѣ были бы довольны. А теперь... Я ни разу не бывалъ на этихъ обѣдахъ, потому что не вижу въ нихъ рѣшительно никакой цѣли, но слышалъ, что обѣдающіе разсуживаются примѣрно по редакціоннымъ группамъ и еле вытягиваютъ изъ себя какой-нибудь общій разговоръ. Такъ и быть должно. Конечно, разъ существуетъ литературная профессія, условія, которыми она обставлена, могутъ составить любопытную тѣму для собесѣдованія между всѣми литераторами, безъ различія мнѣній и направленій. Но эти общія условія, обставляющія положеніе литературы въ Россіи, не входятъ въ кругъ дебатовъ на литературныхъ обѣдахъ... Только эта почва и обща всѣмъ писателямъ, а затѣмъ совершенно непонятно, почему я долженъ искать чести обѣдать и бесѣдовать съ человѣкомъ, съ которымъ у меня нѣтъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ случайнаго орудія нашей дѣятельности — пера. Храмъ музъ ничего не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ перенесенія его въ «Малый Ярославецъ» или другой трактиръ. Литературный человѣкъ исчезаетъ, но не исчезъ — въ этомъ все дѣло. Пока онъ господствовалъ, все было просто. Когда онъ совсѣмъ прекратитъ свое существованіе, все будетъ опять просто.

Такимъ образомъ, исчезновеніе уваженія къ абстрактной, оторванной отъ жизни литературѣ не составляетъ для насъ позора и еслибъ только въ этомъ состояла наша бѣда, такъ это была бы не бѣда и даже не полъ-бѣды. Бѣда скорѣе состоитъ въ томъ, что литературный человѣкъ не совсѣмъ еще вымеръ. Впрочемъ, объ томъ, въ чемъ состоитъ наша подлинная бѣда, мнѣ пред-

ставился болѣе удобный случай говорить, по всей вѣроятности, въ слѣдующій разъ, по поводу новыхъ періодическихъ изданій.

Повторяя фразу о паденіи журналистики — говорю «фразу» не потому, чтобы слова эти совсѣмъ не соотвѣтствовали дѣйствительности, а потому, что употребляющіе ее рѣдко понимаютъ, что они хотятъ сказать — повторяя эту фразу, многіе разумѣютъ, главнымъ образомъ, толстые ежемѣсячные журналы, выгораживая газетную прессу, кредитъ, молъ, которой не только не падаетъ, а даже растетъ. Говорятъ это преимущественно сами газеты, особенно со времени войны. Руководительство обществомъ, говорятъ газетные критики, очевидно, перешло отъ журналовъ къ газетамъ. Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ такою утѣшительною для газетныхъ критиковъ мыслью. Она есть плодъ чистаго недоразумѣнія. Еслибы газетные критики утверждали, что газеты обнаруживаютъ гораздо больше того, что называется у насъ патриотизмомъ, чѣмъ журналы, то это была бы сама правда. Но между этимъ обнаруженіемъ патриотизма и руководствомъ нѣтъ ничего общаго. Патриотическіе писатели иногда дѣйствительно ведутъ за собой общество, но, въ настоящую минуту, мы не видимъ вокругъ себя ничего подобнаго: патриотическіе писатели наши просто сами влекутся стихійнымъ теченіемъ и рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ не руководятъ. Можно еще, пожалуй, допустить, что во время сербско-турецкой войны газеты, своими воззваніями, корреспонденціями, описаніями турецкихъ звѣрствъ и славянскаго геройства, до извѣстной степени, способствовали движенію нашихъ добровольцевъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ дѣло перешло изъ частныхъ рукъ въ руки правительства и русскія войска двинулись къ Дунаю — роль газетъ, и въ особенности яро-патриотическихъ, была сыграна. Имъ оставалось сообщать свѣдѣнія, давать факты, но они дѣйствительно продолжали и продолжаютъ мечтать о руководствѣ. Увы! надо правду сказать — это мечты совершенно празднаго, и есть въ нихъ даже своего рода комическій элементъ. Существуетъ басня, если не ошибаюсь, «Муха и дорожные», очень хорошо изображающая наивныя мечтанія нашихъ газетныхъ руководителей. Самыя нехитрыя размышленія должны бы, кажется, ихъ самихъ привести къ заключенію, что и безъ нихъ, хоть бы они ни одинаго звука не проронили, дѣла шли бы въ томъ же направленіи, не хуже и не лучше, чѣмъ они идутъ теперь. Они не больше, какъ привать-звонари при храмѣ славы. Но этого мало. Общество живетъ не только перипетіями войны и патриотическими чувствами; могло бы найтись въ его жизни кое-что, подлежащее руководенію, но газетная литература сама у себя

вырываетъ нужную для этого почву... Патриотическія газеты очень любятъ разсуждать о томъ, что намъ Европа не указъ и что между русскою и европейскою жизнью есть много очень важныхъ различій. Это правда, но газетные патриоты склонны забывать одну разницу, если не самую важную, то самую для нихъ любопытную, а именно, разницу между европейскою и русскою газетою. Г. Суворинъ, перечисляя недавно свои личные заслуги и заслуги своей газеты, говорить, между прочимъ: «У меня есть реальныя доказательства того, что сербы и черногорцы признавали за «Новымъ Временемъ» такія заслуги, о которыхъ мы не мечтали; болгары прислали мнѣ адресъ» и проч. Хорошо, конечно, что мечты привать-звонарей храма славы могутъ быть превзойдены дѣйствительностью, но, къ сожалѣнію, дѣйствительность эта соткана изъ недоразумѣній и призраковъ. Болгары, сербы, черногорцы, имѣя въ виду значеніе европейскихъ газетъ, полагаютъ, что въ Россіи существуетъ нѣчто подобное, а потому наивно посылаютъ г. Суворину адреса и еще какія-то «реальныя доказательства» своей благодарности. Но г. Суворину, какъ и всѣмъ русскимъ писателямъ, должно быть извѣстно, что въ прямо практическихъ дѣлахъ русская газета можетъ угодить и не угодить, но никогда руководить. Такъ что хвалиться болгарскими адресами и сербско-черногорскими реальными доказательствами отнюдь не приходится; это плодъ стародавней славянской розни и незнакомства славянъ съ условіями русской жизни. Смѣшнѣе всего то, что газетные критики торжествуютъ какую-то побѣду надъ ежемѣсячными журналами на томъ основаніи, что эти послѣдніе отказываются фигурировать въ баснѣ «Муха и дорожные».

Независимо отъ этого, самая мысль о конкуренціи журналовъ и газетъ лишена всякаго смысла. Правда, въ Европѣ журналы не играютъ такой роли, какъ у насъ; правда, въ Европѣ газетная литература имѣетъ большое значеніе, конечно, безъ сравненія болѣе, чѣмъ у насъ. Но если даже выводить изъ единовременнаго существованія двухъ этихъ фактовъ такое заключеніе, что журналы въ Европѣ вытѣснены газетами и что намъ, по необходимости, предстоитъ тоже самое — то здѣсь, все-таки, нѣтъ повода для бахвальства газетныхъ критиковъ: бываютъ, значить, такія времена, когда журналы, хоть бы они семи пядей во лбу, должны, въ силу историческихъ условій, уступить мѣсто газетамъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, тутъ нѣтъ ни чести въ побѣдѣ, ни позора въ пораженіи. А главное, ничего подобнаго въ Европѣ не было и быть не могло. Журналъ и газета до такой степени различаются своими дѣлами и приемами, что конкуренція между ними невозможна. Въ Европѣ журналы оттерты совсѣмъ не газетами, а книгами и брошюрами, что, безъ сомнѣнія, рано или поздно случится и у насъ.

Самое важное различіе между журналомъ и газетою состоитъ въ томъ, что первый создаетъ читателей, тогда какъ вторая соз-

дается читателями. Журналъ (какъ и книга) формируетъ, воспитываетъ мысль читателя, не имѣя ни возможности, ни обязанности рекомендовать ему тотъ или другой образъ дѣйствія въ каждомъ частномъ практическомъ случаѣ. Газета должна имѣть подъ собой почву уже сформированныхъ, воспитанныхъ въ известномъ смыслѣ людей, нуждающихся въ яркомъ, поворотливомъ органѣ для выраженія своихъ практическихъ нуждъ и желаній и для отстаиванія своихъ интересовъ. Имѣя за собой такую почву, проникнувшись вполне ея цвѣтомъ и запахомъ, газета можетъ смѣло давать mot d'ordre для текущихъ вопросовъ и стать въ этомъ смыслѣ руководительницею. Не бываетъ, разумѣется, такихъ временъ, когда практическія нужды и интересы не существуютъ, но бываютъ такія, когда этимъ нуждамъ и интересамъ недостаетъ общественной, корпоративной сознательности; бываютъ и такія времена, когда вся работа нуждъ и интересовъ происходитъ въ наглухо захлопнутомъ ларчикѣ. Въ такія времена газеты не только не могутъ перебить дорогу журналамъ, что вообще невозможно, но не могутъ достигнуть и свойственного имъ вида вліянія въ сколько-нибудь значительной степени. Они могутъ или добросовѣстно сообщать факты, или состоять приватъ-звонарями при храмѣ славы, исполняя эту обязанность даже съ чрезвычайнымъ усердіемъ и звонкостью, но ни мало этимъ не увеличивая своего значенія. «Ѣхать, такъ Ѣхать!» кричалъ попугай, котораго кошка тащила за крыло. Но попугай этотъ не воображалъ, по крайней мѣрѣ, что онъ руководитель.

Несмотря на то, что значеніе нашихъ газетъ весьма скромно, а положеніе мечтательныхъ приватъ-звонарей храма славы довольно комично, они не избавляются, однако, отъ значительной отвѣтственности передъ обществомъ. Наиболѣе крикливые изъ нихъ такъ много кричатъ о своемъ вліяніи и значеніи, что общество начинаетъ приглядываться къ нимъ особенно пристально и открываетъ слѣдующее. Во-первыхъ, претензіи ихъ относительно прямого давленія на ходъ вещей — чистое хвастовство. Во-вторыхъ, хотя эти претензіи и неосновательны, но мутятъ умы своихъ читателей газеты все-таки могутъ. Въ-третьихъ, газетный персоналъ сплошь и рядомъ состоитъ изъ флюгеровъ, мѣняющихъ свою вѣру, смотря по погодѣ. Въ-четвертыхъ, газетный персоналъ опять-таки сплошь и рядомъ страдаетъ круглымъ и упорнымъ невѣжествомъ. Такъ какъ открытія эти дѣлаются среди оглушительнаго колокольнаго звона и всякаго другого сумбура, то немудрено, что они принимаютъ форму чрезвычайно странныхъ недоразумѣній.

Таковъ именно характеръ послѣдняго пассажа съ «Новымъ Временемъ». Студенты технологическаго института отказались отъ дароваго экземпляра этой газеты, объ чемъ и заявили г. Суворину письменно, каковое письмо было напечатано въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ». Документъ этотъ начинается такъ: «Зная васъ, г. Суворинъ, какъ болѣе или менѣе талантливаго фелье-

тониста «Виршевыхъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», мы, наравнѣ съ другими, возлагали надежду» и т. д. Но, позвольте, господа, почему же вы, зная г. Суворина, возлагали на него надежды? Одно изъ двухъ: или вы его не знали, или не могли возлагать на него надежды. Г. Суворинъ остался рѣшительно тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Онъ, правда, рѣзко измѣнилъ свои взгляды на такъ называемый славянский вопросъ, но, во-первыхъ, это не вчера случилось, во-вторыхъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько не измѣнился, остался вѣренъ самому себѣ, потому что самая суть его состоитъ въ постоянныхъ измѣненіяхъ, которыхъ отнюдь нельзя назвать измѣнами: флюгеръ былъ, флюгеромъ и остался, флюгеръ не измѣнникъ, хотя постоянно измѣняетъ свое направленіе. Далѣе, почему вы обратились къ «Новому Времени», давая тѣмъ поводъ думать и ему и другимъ подходящимъ органамъ печати, что оно въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то рѣзко выдѣляется изъ сонма нашихъ газетъ? Чтобы недалеко ходить, за нѣсколько дней до появленія упомянутаго документа, «С.-Петербургскія Вѣдомости» позволили себѣ истинно глубоко возмутительныя размазыванія, какихъ, по крайней мѣрѣ, по этому поводу «Новое Время» не дѣлало. И, однако, «С.-Петербургскія Вѣдомости» реприманда не получали. Все это очевидно результатъ какого-то недоразумѣнія, точно также, какъ и отвѣтъ г. Суворина, занявшій цѣлый фельетонъ «Новаго Времени». Г. Суворинъ очевидно очень, очень взумленъ и огорченъ. Онъ не ожидалъ такого пассажа, онъ думалъ, что никто въ нашемъ отечествѣ, кромѣ завистливыхъ собратьевъ по газетному ремеслу, не можетъ быть недоволенъ его газетою. Мы, говоритъ онъ, преисполнены удивленія, мы выражали полную увѣренность въ побѣдѣ, мы имѣемъ реальныя доказательства благодарности сербовъ и черногорцевъ, мы получили адресъ отъ болгаръ. За что же теперь такая напасть? Должно быть, это все конкуренты-газетчики мутятъ. И вотъ г. Суворинъ начинаетъ говорить о «г. Полетикѣ, нынѣшнемъ представителѣ технологической молодежи», предлагаетъ протестантамъ «молиться на Полетику, Песковскаго и Градовскаго»; иронически говорить, что «Песковский, Гайдебуровъ, Полетика, Худековъ—вотъ люди, понимающіе молодое поколѣніе, сочувствовавшіе ему, готовые его руководить, представители его»; и затѣмъ ругается, ругается и ругается, какъ ломовой извозчикъ. Я не имѣю чести знать всѣхъ перечисляемыхъ г. Суворинымъ писателей и не могу судить о степени основательности его ироніи, но вѣрно, что нѣкоторыя газеты обрушиваются на г. Суворина изъ не совсемъ чистыхъ побужденій. Они дѣлаютъ это даже въ ущербъ здравому смыслу и деликатности по отношенію къ третьимъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, «Новое Время» напечатало, что дѣвушка, покусившаяся на жизнь генерала Трепова, есть «дочь маіора и принимала вмѣстѣ съ своею матерью участіе въ нечаевской исторіи». Мать дѣвушки прислала въ «Новое Время» письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится,

что она, мать, въ нечаевской исторіи замѣшана не была. «Новое Время» напечатало это нисьмо, да и что ему было больше дѣлать? Нашлись, однако, газеты, утверждавшія, что «Новое Время» должно было извиниться передъ матерью дѣвушки «въ напечатаніи незаслуженныхъ противъ нея обвиненій». За что извиниться? въ чемъ? Но каковы бы ни были мотивы враждующихъ съ «Новымъ Временемъ» газетъ, за нихъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отвѣтчиками тѣ, вовсе не газетные люди, которые выразили г. Суворину свое нежеланіе получать его газету. Смѣшивать «технологическую молодежь» съ г. Полетиной г. Суворинъ не имѣлъ рѣшительно никакого права, равно какъ не имѣлъ никакого права объяснять всю исторію лично противъ него или противъ его газеты направленной интригой. Дѣло просто въ томъ, что кто громче всѣхъ звонитъ, тотъ больше всѣхъ мутитъ и больше другихъ обращаетъ на себя вниманія. Правда г. Суворинъ, памятуя примѣръ г. Каткова, склоненъ отчасти и польскую интригу приплести, но это ужъ совсѣмъ напрасно. Правда также, г. Суворинъ отрицаетъ право учащихся молодыхъ людей судить о достоинствахъ газетъ и совѣтуетъ имъ учиться. Но тогда незначѣмъ было и посылать газету людямъ, неспособнымъ ее цѣнить. Что же касается до совѣта учиться, то этотъ прерасный самъ по себѣ совѣтъ особенно страненъ въ устахъ г. Суворина. Какъ ему самому не безъизвѣстно, онъ — человѣкъ весьма мало образованный и, однако, вотъ съ Божіей помощію «руководитъ»...

Басиъ эту можно бы и болѣе пояснить. Но я только въ тому, что какія странныя происходятъ иногда недоразумѣнія въ заключенномъ ларчикѣ, который отерывается, впрочемъ, очень просто, и какія опасности предстоятъ иногда на поприщѣ приватъ-звонаря.

Н. М.